

СЕРИЯ «ХИРУРГ ИСКАЖЕНИЙ» • КНИГА 1

НЕЙТОН ПАТЧЕР

НУЛЕВОЙ
РАЗРЕЗ

ХИРУРГ ИСКАЖЕНИЙ

LITRPG • ТЕМНОЕ ФЭНТЕЗИ

Нейтон Патчер

**Хирург Искажений:
Нулевой Разрез**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Хирург Искажений: Нулевой Разрез / Н. Патчер — «Автор»,
2026

Артур Воронов, ведущий сосудистый хирург, после гибели на операционном столе приходит в себя в мире Каверны, пораженном пространственными аномалиями. Система присваивает ему статус . Высшие маги считают его бесполезным знахарем, не способным метать файерболы. Но там, где маги видят нерушимые стены и барьеры, Артур видит кровеносные сосуды реальности. Скальпель нулевого разреза позволяет иссекать связки чужих заклинаний, ампутировать векторы скорости и накладывать спасительные швы на разорванную ткань пространства.

Содержание

Глава 1. Приемное отделение Каверны	6
Глава 2. Насмешка берсерков	16
Глава 3. Первый эксплойт: Анатомия проклятия	25
Глава 4. Спасение лазарета от мутантов	33
Глава 5. Знакомство с Ассистентом	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Нейтон Патчер
Хирург Искажений: Нулевой Разрез
НЕЙТОН ПАТЧЕР

ХИРУРГ ИСКАЖЕНИЙ:

НУЛЕВОЙ РАЗРЕЗ

Серия «Хирург Искажений» • Книга 1

Глава 1. Приемное отделение Каверны

Кардиомонитор больше не пищал.

Этот звук — ровный, нескончаемый ультразвуковой писк частотой в четыре тысячи герц, возвещающий о необратимой асистолии, — преследовал Артура Воронова на протяжении последних тридцати шести часов его земной смены. Тройное столкновение на кольцевой, двенадцать разорванных в лоскуты тел на шести столах, раздробленный таз у шестнадцатилетней девочки, лопнувшая восходящая аорта у тучного дальнобойщика, литры теплой чужой крови, заливающей бахилы сквозь прохудившийся шов медицинской резины. И собственный висок, пульсирующий тупой свинцовой болью, пока в глазах наконец не лопнула темная паутина, утягивая его вниз — прямо на окровавленный кафель операционной номер четыре.

Теперь писка не было. Была тишина. Тяжелая, маслянистая, отдающая низким инфразвуковым гулом, от которого вибрировали зубы.

Артур открыл глаза.

Первым чувством, вернувшимся к жизни, было обоняние. Профессиональный фильтр хирурга среагировал мгновенно, разложив незнакомую вонь на базовые компоненты: озон после короткого замыкания, едкий гидроксид натрия, сладковато-тошнотворный дух застарелого некроза мягких тканей и что-то еще — кислое, напоминающее концентрированную серную кислоту, в которой растворили прелые потроха рептилии.

Он лежал на спине на плоском гранитном монолите. Затылок саднило. Попытка резко сесть отозвалась сухим щелчком в шейном отделе позвоночника, но боли — привычной, ноющей боли межпозвоночной грыжи сорокалетнего хирурга высшей категории — не последовало.

Воронов замер. Годы работы за операционным столом приучили его не совершать хаотичных движений в условиях дефицита информации.

Пальцы.

Он поднял руки перед лицом. Большой, указательный, средний, безымянный, мизинец. Правая кисть. Левая. Сгибание в пястно-фаланговых суставах, ротация, сведение, разведение. Ни малейшего тремора. Кожа чистая, сухая, фаланги длинные, цепкие. Мышечная память никуда не исчезла: связки и сухожилия отзывались с идеальной прецизионной точностью, словно отлаженный швейцарский хронометр.

Только после этого Артур осмотрелся.

Помещение походило на древний склеп, грубо выдолбленный в сплошной толще антрацитово-черного базальта. Высокие стрельчатые своды терялись во тьме на высоте четырех или пяти метров. По периметру зала стояли каменные постаменты правильной прямоугольной формы — ровно двенадцать штук, расположенные в два строгих ряда с центральным проходом. Подобие полевого лазарета или анатомического театра цивилизации, не знавшей понятия комфорта. В полу зияли глубокие желоба для стока жидкостей, забитые окаменевшей бурой коркой.

И стены. Стены были живыми.

По глубоким трещинам в черном камне медленно сочилась густая, студенистая жижа насыщенного неоново-фиолетового цвета. Она фосфоресцировала в полумраке, испуская слабый ядовитый пар. Капли падали в дренажные каналы с глухим, чавкающим звуком: *кап... шш-шш... кап...* В местах, где жижа соприкасалась с базальтом, камень пузырился, покрываясь мелкими известковыми язвами. Сгустки слизи пульсировали с размеренной, отвратительной цикличностью — около сорока пяти сокращений в минуту. Брадикардия. Очаговое воспаление пространственной ткани.

Перед глазами Воронова вспыхнула резкая, безжалостная вспышка синего спектра.

Сетчатку обожгло, будто кто-то полоснул по хрусталику коагулятором, а затем в поле зрения развернулись геометрически выверенные строки полупрозрачного текста. Символы не висели в воздухе — они проецировались напрямую в зрительную кору, сопровождаемые сухим шелестом, напоминающим шелест разрезаемой брюшины.

[Внимание! Зафиксирован летальный разрыв первичной биологической матрицы субъекта: Воронов Артур Михайлович]

[Пространственно-временной якорь Земли: утрачен]

[Точка прибытия: Сектор «Омега-Ноль», Дно Каверны Искажения. Автономный санитарный блок № 14]

[Глубина погружения: Неопределима (Нижний Эшелон)]

[Инициализация Системного Интерфейса...]

[Анализ психоэмоционального профиля: Стабилен. Доминанта — хладнокровие, профессиональная деформация типа «А», гипертрофированный контроль мелкой моторики]

[Анализ накопленного опыта: 11 420 часов полостных и реконструктивных хирургических вмешательств]

[Присвоен базовый класс: Полевой Хирург (F-ранг)]

[Внимание: Класс является условно-боевым с медицинским уклоном. Прогрессия зависит от чистоты проведенных манипуляций и выживаемости оператора]

[Активирован уникальный классовый пассивный навык: «Стерильное Поле» (Уровень 1)]

[Сгенерирован стартовый инвентарь специалиста]

Артур медленно спустил ноги с каменного стола. Босые ступни коснулись ледяного пола. На нем были простые серые штаны из плотного холста и такого же цвета свободная туника без пуговиц и завязок — стандартная больничная роба без опознавательных знаков.

— Полевой хирург, — вслух произнес Воронов.

Голос прозвучал хрипло, голосовые связки пересохли, словно он несколько суток дышал пересушенным воздухом наркозного аппарата. Но интонация оставалась прежней: сухой, взвешенной, лишенной истерики. Истерика в приемном покое приводит к летальному исходу в ста процентах запущенных случаев. Паника сужает угол периферического зрения на сорок градусов и ускоряет пульс, провоцируя тремор пальцев. Тремор для хирурга равен профнепригодности.

— Статус, — скомандовал он мысленно.

Интерфейс отозвался мгновенно, развернув расширенную вкладку персональных характеристик.

Субъект: Артур Воронов

Класс: Полевой Хирург (F-ранг, 1-й уровень — 0/1000 EXP)

Здоровье: 110/110 (Регенерация: 0.1 ед/сек)

Мана (Энергия Разреза): 150/150 (Регенерация: 0.3 ед/сек)

Искажение Бездны (Заражение): 3.2% (Критический порог: 100% — необратимая мутация)

Базовые параметры:

* **Сила:** 10 (Предел физического воздействия)

* **Выносливость:** 11 (Статическая стойкость у операционного стола)

* **Ловкость Пальцев:** 18 (Выдающийся контроль микромоторики, кинестетическая память)

* **Анатомическое Восприятие:** 16 (Способность вычленять уязвимости, патологии и скрытые структуры)

* **Холодный Разум (Воля):** 15 (Устойчивость к ментальному давлению, психозам и эманациям Распада)

Активные навыки:

* **Отсутствуют (Требуется изучение специализированных формул или освоение системных инструментов)*

Пассивные навыки:

* **[Стерильное Поле (Ранг F, Уровень 1)]**

Тип: Пространственно-биологическая аура изоляции.

Радиус: 2.5 метра вокруг оператора.

Эффект: Подавляет действие внешних биологических, вирусных и эфирных токсинов на 40%. Замедляет прирост шкалы [Искажение Бездны] внутри периметра в 2.5 раза. Принудительно осаждаёт взвесь токсичной пыли и спор. Расход маны в фоновом режиме: 1 ед. каждые 30 секунд. В режиме активной дезинфекции: 5 ед/сек.

Примечание Системы: Грязь — главный враг жизни. Смерть начинается с невымытых рук.

— Два с половиной метра, — констатировал Артур, вглядываясь в едва заметное мерцание воздуха вокруг своего тела.

Воздух в радиусе вытянутой руки казался более прозрачным, очищенным от висящей в зале фиолетовой взвеси. Там, где граница невидимой сферы пересекала край каменного поста-мента, ядовитая слизь на полу зашипела, скукожилась и превратилась в сухую серую золу. Будто невидимый ультрафиолетовый барьер выжигал саму органическую основу этой дряни.

Расход маны — одна единица в тридцать секунд. Полного запаса хватит на час с небольшим автономного существования без учёта естественной регенерации. Значит, сидеть на месте нельзя. Но и двигаться вслепую в незнакомой враждебной среде — преступная халатность.

Взгляд Воронова скользнул по соседнему столу.

Там, аккуратно уложенный на чистый кусок грубого серого сукна, лежал продолговатый предмет. Сверток из плотной промасленной парусины, перетянутый двумя кожаными ремешками с тусклыми латунными пряжками.

Стартовый набор специалиста.

Артур подошёл к столу. Шаги отдавались в мертвом зале гулким эхом. Фиолетовая слизь на стенах отреагировала на вибрацию: толстые потеки дрогнули, несколько крупных капель сорвались со свода, разбившись о каменные плиты в полуметре от него. Стерильное поле дрогнуло, синий индикатор маны в углу зрения мигнул: 149/150. Защитная сфера сожгла ядовитые брызги ещё на подлете, оставив в воздухе слабый запах паленого рога.

Он положил ладони на парусину. Пальцы привычным, до автоматизма отработанным движением расстегнули пряжки. Ремешки выскользнули из петель без единого звука — кожа была идеально выделана, смазана оружейным воском.

Артур медленно развернул хирургический набор.

Внутри, в отдельных узких карманах из белого водоотталкивающего шелка, покоились инструменты. Не современные одноразовые пластиковые поделки, а тяжелая, благородная медицинская сталь ручнойковки с матовым антибликовым воронением.

Анатомический пинцет с тонкими зубцами на браншах. Хирургический зажим Кохера со ступенчатым фиксатором-кремальерой. Иглодержатель Гегара с алмазным напылением на губках. Комплект изогнутых атравматических игл различного калибра, аккуратно нанизанных на костяную пластину. Мотки синтетической монопнити и плетеного шелка в стерильных восковых ампулах. Резекционные костные кусачки Листона с мощной возвратной пружиной.

И в самом центре, в глубоком формованном ложементе из бархата цвета венозной крови, лежал он.

Инструмент не походил на классический скальпель с брюшистым или остроконечным лезвием. Рукоять — граненая, выполненная из тяжелого серого сплава, холодного, как могильный лед, — идеально ложилась в ладонь. Балансировка была смещена к дистальному концу ровно на два миллиметра, снижая нагрузку на межкостные мышцы кисти при длительном послойном рассечении тканей.

Но самого лезвия не было. Вместо металлического клинка из тонкой щели на конце рукояти была ровная, волосистой толщины игла бледно-голубого света. Она не рассеивалась в стороны, не дрожала и не издавала гула. Свет казался застывшим стеклом, лезвием из спрессованного вакуума. В месте, где свет соприкасался с окружающим воздухом, пространство вокруг инструмента едва заметно преломлялось, словно над раскаленным асфальтом.

Артур осторожно обхватил рукоять классическим хватом смычка — тремя пальцами, оставив мизинец для баланса.

В нервную систему ударил импульс узнавания.

[Получен системный артефакт: Пространственный Скальпель (Персональный, Ранг F-0)]

[Прочность: Неразрушим (Связан с эфирным телом носителя)]

[Физический урон: 5-8 (Игнорирует до 90% немагической брони органического типа)]

[Хирургический урон: Абсолютное рассечение биологических тканей плотностью ниже хитина Бездны 2-го порядка]

[Свойства:]

* *«Истинный Срез»: Рассекает клеточные мембраны без разрушения соседних клеточных ядер. Кровопотеря оперируемой зоны снижается на 60% за счет мгновенной пространственной коагуляции капилляров.*

* *«Прокол Искажения»: Способен отделять мутировавшую ткань Бездны от здоровой основы без риска диссеминации патогена.*

* *Расход маны при непрерывной работе: 0.5 ед. в минуту.*

Воронов слегка повел кистью. Кончик светового лезвия едва коснулся края гранитного постамента. Без малейшего сопротивления, без скрежета или искр, тяжелый камень толщиной в ладонь развалился пополам. Срез был настолько зеркальным, что в нем отразились пульсирующие фиолетовые наплывы на стенах.

— Превосходно, — тихо констатировал хирург. Ни тени восторга, лишь холодная профессиональная оценка инструмента. Хороший скальпель — это продолжение нервной системы. Плохой скальпель — причина сепсиса и внутрибольничной смертности.

Он аккуратно свернул парусиновый чехол, затянул ремни и зафиксировал набор на поясе с помощью встроенных петель. Скальпель он оставил в правой руке. Оружие? Нет. Оружием этот инструмент мог назвать только дикарь. Для Артура это был зонд, резец и единственный аргумент против энтропии, царящей в этом проклятом месте.

Воронов подошел к арочному выходу из зала.

Массивные дубовые двери, некогда запиравшие лазарет, давно сгнили. Их останки, ссохшиеся и покрытые серым мохом, валялись под ногами. За порогом начинался широкий коридор, уходящий вглубь каменного монолита. Здесь темнота была гуще, а фиолетовые вены на стенах сплетались в толстые, сочащиеся узлы размером с человеческую голову. Каждый такой узел судорожно пульсировал, выталкивая порции ядовитого газа.

В воздухе висели сиреневые хлопья — пепел Бездны.

Артур сделал шаг вперед. Граница [Стерильного Поля] выдвинулась следом за ним. Сиреневые хлопья, едва коснувшись невидимой преграды, вспыхивали микроскопическими белыми искрами и исчезали без следа.

Шкала заражения на сетчатке замерла на отметке 3.2%.

Внезапно из глубины коридора донесся звук.

Это не был рев зверя или боевой клич. Звук был до ужаса знаком Воронову по ночным дежурствам в пульмонологии: влажный, булькающий кашель человека с двусторонним отеком легких. Драное, судорожное дыхание с характерным бронхиальным присвистом — так дышит пациент, в чьей плевральной полости скопилось не меньше полутора литров геморрагического экссудата.

Вслед за звуком послышалось тяжелое волочение подошв по мокрому базальту.

Хирург замер у портала, встав в полутень за выступающей каменной пилястрой. Позиция выбрана методично: минимальный профиль обзора, свобода маневра для правой руки, пути отхода обратно в лазарет чисты.

Из темноты коридора показался силуэт.

Это был человек. Точнее, нечто, бывшее человеком до того, как его поглотила Каверна. На нем висели лохмотья кожаного охотничьего доспеха, укрепленного металлическими бляхами. Правая рука безжизненно болталась, выбитая из плечевого сустава и висящая исключительно на растянутых сухожилиях.левой рукой он судорожно скреб стену, оставляя на камне кровавые полосы вперемешку с фиолетовой жижей.

Но страшнее всего была грудная клетка.

Его левая сторона тела была деформирована гигантским разрастанием. Прямо сквозь реберную дугу, разломав кости наружу, пробился пульсирующий кристаллический нарост аметистового цвета, окруженный опухолью из переплетенных фиолетовых сосудов толщиной в палец. Нарост дышал в унисон со стенами коридора. Каждое сокращение чудовищного симбиота выбрасывало в горло существа новую порцию черной пенистой крови, которую тот судорожно выплевывал под ноги.

Над головой существа всплыли системные маркеры красного цвета:

[Объект: Зараженный Разведчик (Падший)]

[Биологический статус: Агония / Терминальная стадия Искажения]

[Патология: Паразитарная кристаллическая карцинома Бездны (Уровень инвазии: 89%)]

[Уровень угрозы: F-высокий (Вторичный био-некроз)]

[Прогноз выживаемости: 4 минуты до полного разрушения ядра личности и перехода в статус Нежити Бездны]

Существо подняло голову. Вместо левого глаза зияла кристаллическая розетка, истекающая гноем. Правый глаз — человеческий, серый, лопнувший от внутриглазного давления, — сфокусировался на мерцающем контуре Воронова.

— У-у-у... — вырвалось из разорванной трахеи разведчика. — С-ними... вырежи... горит...

Он не атаковал. Он падал вперед, протягивая единственную здоровую руку не для удара, а с тем отчаянным, слепым хватательным рефлексом, с которым утопающий цепляется за край спасательного круга или халат реаниматолога.

— Ограничение подвижности, — вслух пробормотал Артур, не двигаясь с места. — Поражение левого легкого, деструкция перикарда, выраженный метаболический ацидоз. Субъект не агрессивен, субъект в состоянии тяжелейшего травматического шока.

Падший рухнул на колени прямо перед порогом лазарета, не дойдя полуметра до границы [Стерильного Поля]. Его пальцы скрючились, царапая пол.

Артур не испытывал отвращения. За двадцать лет в гнойной и неотложной хирургии он видел человеческие тела, разорванные комбайнами, обугленные в пожарах до костей, раздутые перитонитом до состояния бочек. Вид паразитарного кристалла вызвал в нем лишь мгновенную реакцию диагноста: локализация, глубина инвазии, магистральные сосуды, пути доступа.

[Внимание! Иницирован ситуационный сценарий: «Экстренная Сортировка»]

[Цель: Ликвидировать очаг Искажения до наступления некротической мутации]

[Вариант А: Эвтаназия (Удар в ствол головного мозга. Награда: 50 EXP)]

[Вариант Б: Радикальная резекция паразита (Шанс летального исхода: 94%. Награда: Расчет по факту исхода)]

— Девяносто четыре процента летальности, — Артур сделал шаг вперед. [Стерильное Поле] накрыло стонущее тело.

Фиолетовый дым, исходивший от кристаллической опухоли, с шипением втянулся обратно под воздействием очищающей ауры. Зараженный судорожно вдохнул — впервые за долгое время его легкие наполнились воздухом, свободным от токсичной взвеси. Он затих, только веки мелко подергивались.

— В моей операционной, — негромко произнес Воронов, перехватывая пространственный скальпель обратным хватом, — шесть процентов шанса на жизнь считаются достаточным основанием для начала вмешательства.

Он опустил на одно колено рядом с умирающим.

— Расход маны: режим активной дезинфекции, — мысленно отдал команду Артур.

Сфера стерильности вокруг него вспыхнула ярче, сжавшись до полутора метров. Воздух сгустился, запахло концентрированным хлором и свежим снегом. Индикатор маны начал методично опускаться: 145... 140... 135...

— Сестра, зажим... — по привычке шепнул Воронов уголком губ, но тут же оборвал себя. Сестер не было. Анестезиолога не было. Монитора жизненных показателей не было. Только он, пациент и лезвие из чистого пространственного вакуума.

Его левая рука легла на шею разведчика, прижимая сонную артерию. Пульс нитевидный, около ста шестидесяти ударов, аритмичный. Времени не было даже на фиксацию конечностей.

— Лежать, — скомандовал Артур низким, властным голосом, в котором звенел металл двадцати лет приказного тона в операционных блоках. — Не дергаться. Глубже вдох. Выдох.

Пациент замер, подчиняясь тону, который не терпел возражений.

Взгляд Воронова изменился. Активировался параметр [Анатомическое Восприятие].

Черная ткань доспеха и пораженная кожа для него словно потеряли плотность. Перед внутренним взором хирурга проступила трехмерная топографическая карта анатомических структур. Он видел, как от фиолетового кристалла отходят сотни тончайших, похожих на мицелий гриба, нитей. Они проросли сквозь межреберные промежутки, оплели левую подключичную артерию, прошли плевру и намертво впились в ткань верхушки легкого. Но главное — узел. Маточный узел паразита находился не в легком. Он располагался экстраплеврально, зацепившись шипами за надкостницу пятого ребра.

Паразит еще не успел прорасти в миокард. Разделяла их тончайшая фасциальная перегородка толщиной меньше миллиметра.

Ювелирная работа.

— Начинаем послойное рассечение, — Артур поднес рукоять скальпеля к краю опухоли. Голубой луч коснулся багровой, вздувшейся кожи.

Никакого сопротивления. Лезвие вошло в плоть мягко, как в теплое масло. Сработал перк [Истинный Срез]: края раны мгновенно побелели, капилляры скоагулировались на микроуровне, ни единой капли крови не брызнуло на пальцы хирурга. Только тонкая полоска сукровицы выступила по краям разреза.

Пациент даже не вздрогнул — пространственное лезвие рассекало нервные окончания быстрее, чем болевой импульс успевал сформироваться и дойти по спинномозговым путям до таламуса.

Длина разреза — четырнадцать сантиметров. От среднеключичной линии по ходу пятого межреберья до передней подмышечной.

Артур отложил скальпель на край камня — инструмент остался зависшим в двух сантиметрах над полом, повинаясь воле хозяина, — и выхватил из поясного набора анатомический пинцет и зажим Кохера.

— Разведение краев раны.

Пальцы левой руки работали автономно, удерживая лоскуты кожи. Пинцетом он захватил первый пучок кристаллических нитей. Ткань паразита вибрировала, сопротивляясь. Фиолетовая слизь внутри раны закипела, попытавшись выбросить шип в сторону руки врача, но едва усик пересек границу [Стерильного Поля], как с сухим треском испепелился.

— Агрессивная органическая реакция, — холодно зафиксировал Воронов. — Подавление очага.

Он снова взял скальпель. Точечный импульс маны. Голубая нить света истончилась до параметров микрохирургического инструмента — толщиной не более десяти микрон.

Взмах. Срез.

Отрезанный от основного узла пучок нитей посерел и сморщился, отпуская подключичную артерию. Пульсация сосуда мгновенно выровнялась.

Взмах. Еще один срез.

Лезвие скользнуло в миллиметре от париетальной плевры. Хирург не смотрел на системные предупреждения, которые градом сыпались на край сетчатки:

[Внимание! Прецизионный разрез: отклонение от магистрального сосуда — 0.4 мм]

[Критическое напряжение тканей!]

[Энергия Разреза: 85/150...]

[Внимание: Паразит предпринимает попытку сброса токсинов!]

— Молчать, — сквозь зубы бросил Артур, обращаясь то ли к Системе, то ли к взбесившейся опухоли.

Его лоб оставался сухим. Дыхание — глубоким, диафрагмальным, снижающим частоту сердечных сокращений до пятидесяти двух ударов в минуту. Состояние абсолютного операционного транса — то, за что его на кафедре общей хирургии когда-то прозвали «Гранитным Вороновым». Когда руки работают быстрее мысли, но каждая микросекунда задержки выведена до ангстрема.

Зажим Кохера щелкнул кремальерой, намертво перекусив основание ножки паразита.

Кристалл внутри груди разведчика истошно завизжал — звук раздался прямо в мозгу, минуя барабанные перепонки. Стены лазарета отозвались резонансной дрожью, фиолетовая слизь на сводах закипела.

— Резекция, — произнес Артур.

Пространственный скальпель описал идеальную дугу, срезая надкостницу пятого ребра вместе с шипами инородного тела.

С хрустом, напоминающим звук ломающегося речного льда, кристаллический нарост оторвался от человеческого остова.

Воронов мгновенно подцепил трехкилограммовый кусок пульсирующей гадости зажимом и швырнул его в угол коридора — за пределы лазарета, прямо в лужу ядовитой жижи.

Не теряя ни доли секунды, он опустил руки обратно в зияющую рану.

— Ревизия операционного поля. Гемостаз.

Из раны хлынула темная, венозная кровь — естественная реакция на снятие пространственного напряжения. Артур действовал механически: шелковая нить номер четыре, три быстрых узловых шва на поврежденные межреберные мышцы, тампонада чистым холстом из набора.

Щелк. Щелк. Узел. Срез.

Нить легла ровно, формируя классический хирургический шов по Донати — с идеальной адаптацией краев, исключая образование карманов для скопления экссудата.

[Удаление патогена завершено!]

[Качество манипуляции: 98.7% (Хирургическое совершенство)]

[Осложнения: Купированы]

[Биологический субъект стабилизирован]

Артур завязал последний узел, срезал концы шелка пространственным лучом и только тогда позволил себе выпрямиться.

Колени хрустнули. Мышцы спины напряглись, но тут же расслабились.

Он глубоко вздохнул, деактивируя форсированный режим ауры.

Мана: 32/150. На грани истощения.

В углу коридора выброшенный нарост яростно задергался, попытался выпустить ложноножки, но без подпитки от живого носителя начал стремительно разрушаться. Голубое пламя, оставленное пространственным разрезом на его тканях, медленно пожирало кристаллическую решетку, превращая ее в серый пепел. Через десять секунд от опаснейшего мутанта осталась лишь горсть стекловидных чешуек.

Разведчик на полу дышал.

Его дыхание было слабым, прерывистым, но хрипы исчезли. Ровная экскурсия правой стороны грудной клетки свидетельствовала о том, что плевра осталась герметичной, пневмоторакс не развился. Лицо мужчины, избавленное от фиолетовых сосудистых сеток, приобрело нормальный, пусть и смертельно бледный оттенок.

Над его телом сменился статус:

[Объект: Выживший Разведчик Авангарда (Тяжелое состояние)]

[Статус: Глубокий медикаментозный/травматический сон]

[Уровень заражения Бездной: 11.4% (Стабилен, снижение)]

И следом за этим перед глазами Артура развернулся золотистый веер системных сообщений, заставивший интерфейс мерцать мягким, триумфальным светом:

[Сложное хирургическое вмешательство ранга F+ успешно завершено в экстремальных условиях!]

[Спасена жизнь разумного субъекта с вероятностью выживания менее 6%]

[Получен опыт: +1200 EXP!]

[Поздравляем! Ваш уровень повышен: 1 -> 2!]

[Класс «Полевой Хирург» укрепил свое основание]

[Характеристики распределены автоматически в соответствии с профилем:]

* *Ловкость Пальцев: +2 (Текущее значение: 20)*

* *Анатомическое Восприятие: +2 (Текущее значение: 18)*
* *Энергия Разреза (Мана): +50 (Максимум увеличен до 200)*
[Навык «Стерильное Поле» получил достаточное насыщение практикой и повысил свой уровень: 1 -> 2!]
* *Радиус расширен: 2.5 м -> 3.5 м.*
* *Подавление токсинов: 40% -> 50%.*
* *Добавлен пассивный эффект: «Асептический барьер» (Препятствует проникновению низших паразитов Бездны через границу поля).*
[Разблокирован новый активный навык класса:]
* **[Хирургический Шов Эфира (Ранг F, Уровень 1)]**
Тип: Направленная манипуляция связыванием тканей.
Описание: Позволяет сшивать не только физические волокна (кожа, фасции, сосуды), но и поврежденные энергетические каналы оперируемого. Снижает время заживления тяжелых ран на 70%.
Расход: 15 ед. маны за шов.
[Особая добыча за филигранную операцию:]
* *Извлечено: «Очищенное Ядро Аметистовой Карциномы» (Ранг F, Алхимический компонент высшего качества).*
* *Обнаружен предмет в экипировке пациента: «Потрепанная карта верхних ярусов Каверны» (Привязано к заданию гильдии).*

Теплая волна системной энергии прокатилась по телу Воронова. Усталость, сковавшая плечи после предельной концентрации, отступила. Мышцы налились сухой, пружинистой силой, а пальцы правой руки обожгло покалыванием — словно сквозь нервные стволы пропустили слабый разряд тока, расширяя проводимость синапсов.

Двадцать единиц ловкости пальцев. Он посмотрел на свою кисть: движения стали еще более плавными, исчезла даже микроскопическая физиологическая задержка между импульсом мозга и сокращением сухожилий.

Артур наклонился, поднял с пола выпавший из останков опухоли кристалл. Теперь это был правильный октаэдр размером с грецкий орех — прозрачный, глубокого фиолетового цвета, без следов гнили или слизи. Внутри застыла крошечная синяя искра — след пространственного скальпеля.

Он убрал кристалл в карман робы. Затем достал из кожаного подсумка на поясе разведчика сложенный вчетверо кусок пергамента, пропитанного воском.

Развернул.

Это была схема. Грубая, начерченная от руки черной тушью карта подземных коммуникаций. Зал, в котором находился Воронов, значился на ней как «Вспомогательный лазарет Третьего Батальона. Сектор консервации». Вверх от лазарета тянулась извилистая линия штольни с пометкой: «Выход к нижнему аванпосту Перекрестка. 1.2 мили. Осторожно: колонии Слизневигов и Искаженных тварей».

Артур спрятал карту.

Подойдя к пациенту, он проверил пульс на сонной артерии. Семьдесят два удара. Ритмичный. Напряжение удовлетворительное. Без сознания он пробудет еще часов пять — скажется кровопотеря и токсический шок, но непосредственной угрозы для жизни больше не было.

Воронов подхватил разведчика под мышки и без видимых усилий — Сила в 10 единиц и возросшая Выносливость позволяли не замечать вес тренированного бойца — перенес его на ближайший каменный постамент внутри лазарета.

Уложил ровно. Подложил под голову свернутый кусок гнилой дубовой доски, предварительно очищенной стерильным полем.

Оставлять пациента одного без присмотра в незнакомом секторе противоречило внутреннему кодексу Артура. Но сидеть в полуразрушенном каменном мешке в ожидании, пока восстановится мана или на шум явятся другие обитатели Каверны, было верхом глупости. На посту дежурного хирурга всегда есть приоритеты: сначала спасают тех, кого можно спасти прямо сейчас, затем организуют безопасность приемного отделения.

Артур подошел к порогу лазарета.

Он поднял пространственный скальпель. Голубой луч послушно удлинился на полметра, превращаясь в тонкий светящийся стилет.

Фиолетовая слизь на стенах коридора продолжала пульсировать, роняя ядовитые капли. Во тьме впереди, на расстоянии сотни метров, послышался глухой, скребущий звук — кто-то массивный, с тяжелыми хитиновыми когтями медленно передвигался по базальтовому своду, приносясь к запаху свежей крови и озона.

Артур Воронов медленно, аккуратно поправил ворот серой туники.

Взгляд его оставался холодным, профессиональным и абсолютно спокойным. Перед ним лежала не бездна первородного ужаса, не кошмар сумасшедшего демиурга и не филиал ада.

Перед ним лежало гигантское, запущенное, гниющее от перитонита тело Каверны.

Тело, требующее немедленного, радикального хирургического вмешательства.

— Ну что ж, — произнес хирург, шагнув за порог лазарета во тьму коридора, распахивая перед собой полусферу сияющего белого барьера. — Посмотрим, что у вас на обходе. Начнем с санации очагов.

Глава 2. Насмешка берсерков

Шелест хитиновых сочленений под базальтовым сводом стих ровно на полторы секунды — тварь замерла, уловив вибрацию развернутого асептического барьера.

Для слепого порождения Искажения сияние белого купола не несло визуального раздражения, но в спектре эфирных колебаний оно звенело, как разбитый хрустальный флакон. Для паразита чистота была не просто угрозой; она являлась агрессивной, выжигающей средой, противоестественной самой сути гниющей Каверны.

Артур Воронов не стал дожидаться, пока чудовище завершит фазу оценки.

В операционной промедление при массивном артериальном кровотечении или анафилактическом шоке измеряется не минутами, а секундами, и каждая потерянная треть секунды уносит миллионы нейронов коры головного мозга. Здесь правила оставались теми же. Опасность следовало купировать до того, как она перерастет в генерализованный сепсис периметра.

— Локализация: верхний квадрант свода, дистанция двенадцать метров, — вслух, сухим голосом дежурного врача продиктовал Артур в пустоту тоннеля.

Правая рука хирурга совершила короткое, экономное движение.

Голубой луч пространственного скальпеля, вибрировавший на частоте рассеечения плоти, удлинился до полутора метров, истончившись до микроскопической грани в несколько нанометров. Воронов плавно сместил центр тяжести, активируя возросшую за счет характеристик Выносливость, и шагнул вперед.

С потолка, срывая вековые наросты фиолетовой ядовитой плесени, рухнула туша.

Она напоминала чудовищный гибрид сколопендры и разорванной человеческой грудной клетки: ряды сегментированных ребер служили существу лапами, а из расщепленной, сочащейся сукровицей пасти хлестали жгуты фиолетовой гнили.

[Идентификация: Падальщик Бездны. Уровень 14. Класс: Трупоед-мутант]

[Особое свойство: Некротический плевок, Токсичный покров]

[Внимание: Высокая концентрация спор Искажения в лимфотоке]

Тварь даже не успела издать клекочущий визг.

Вместо того чтобы пятиться или вскидывать щит, как поступил бы типичный воин авангарда, Воронов сделал шаг навстречу падающей массе, скользнув в мертвую зону под передний суставный узел. Для него это было не нападением монстра. Это было вскрытием гигантского нарыва.

— Доступ: косой межреберный, — без тени эмоций обронил Артур.

Голубая линия скальпеля без малейшего сопротивления вспорол хитиновый панцирь твари именно в точке сочленения третьего сегмента, где под пластинами пульсировал главный нервный ганглий. Никакой грубой силы. Чистая топографическая анатомия. Пространственное лезвие не дробило кость — оно раздвигало субатомные связи, рассекая нервные волокна с прецизионной точностью микрохирургического микроскопа.

Тварь конвульсивно дернулась, ее лапы-ребра заскребли по базальту, высекая искры, но импульс движения уже угас.

— Резекция проводящих путей завершена, — зафиксировал хирург, разворачивая кисть.

Второй взмах — короткий горизонтальный подрез у основания головного сегмента. Черная, дурно пахнущая желчью и серой жидкость хлынула наружу, но ударила не в лицо человеку, а бессильно зашипела на поверхности вспыхнувшего Асептического барьера. Капли яда распались на стерильный серый пепел, не долетая до ткани его серой туники.

Тяжелая туша монстра с глухим стуком осела на влажный камень.

[Цель уничтожена: Падальщик Бездны (Ур. 14)]

[Получено опыта: 420]

[Собрано биоматериала: Некротический секрет высшей очистки (x2), Сегмент хитина Бездны (x4)]

[Расход маны: 18 единиц. Текущий резерв: 112/130]

Артур даже не сбил дыхания. Он брезгливо скользнул взглядом по агонизирующим сегментам хвоста твари, которые еще пару секунд сокращались в автономном мышечном спазме, и погасил лезвие скальпеля до стандартных пятнадцати сантиметров дежурного свечения.

— Биологический мусор утилизирован. Очаг первичного заражения подавлен, — констатировал он.

Но стоило тишине сомкнуться над трупом монстра, как из глубины галереи, перекрывая монотонный капеж ядовитого конденсата, донесся тяжелый, гулкий грохот.

Это не было шуршанием тварей Бездны.

Так звучало железо. Тяжелое, кованое, запятнанное чужой кровью железо, с размаху бьющееся о скальные выступы. Глухой топот подкованных сапог, сдавленные хрипы, отборная площадная брань и хлюпанье подошв по грязи возвестили о приближении группы людей.

Артур мгновенно оценил акустическую картину:

Пять человек. Двое бегут строем, удерживая фланг. Один волочит ногу — характерное припадание на левую сторону, вероятно перелом бедренной кости или глубокий разрыв квадрицепса. Еще двое несут тяжелую ношу — судя по сбивающемуся ритму шагов и тяжелому, надсадному дыханию, они тащат на импровизированных носилках или щите крупного бойца весом под центнер, не считая доспехов.

Воронов отступил на полшага назад, заняв позицию в створе входа в лазарет. За его спиной, на каменном постаменте, находился стабильный, но все еще тяжелый пациент-разведчик. Допустить хаос в приемный покой хирург не имел права.

Из темноты коридора, взрезая мглу багровыми отблесками чадающих факелов, вывалилась группа гигантов.

Их вид кричал о принадлежности к тяжелому ударному крылу. Массивные латные доспехи из черненной стали с грубыми заклепками, покрытые глубокими бороздами от когтей и сколами от вражеских топоров. На наплечниках и нагрудниках багровой несмываемой эмалью был выбит оскаленный череп, зажатый между двумя лезвиями палаческих секир — геральдика гильдии «Кровавый Топор».

Элита ближнего боя. Наемники и прорывники, привыкшие решать любые тактические задачи лобовым тараном и реками собственной и чужой крови.

Но сейчас от их бывшего величия не осталось и следа. Они не шли победным маршем — они отступали, захлебываясь собственным бессилием.

Впереди тяжело хромал здоровяк с оторванным правым наплечником. Из-под разорванной кольчуги сочилась сукровица вперемешку с фиолетовыми комьями — явный след поражения токсином искажения. Его щит был расколот надвое, а двуручный тесак волочился по земле, высекая снопы искр из каменных плит.

Позади двое других — с налитыми кровью глазами, в измятых рогатых шлемах — тащили на снятой с петель дубовой двери четвертого.

Тот, кто лежал на досках, был живым трупом.

Его кираса была спрессована внутрь чудовищным ударом, пробившим полудюймовую закаленную сталь, словно фольгу. Острые края металла ушли глубоко в подреберье. Из-под раскучуроченного нагрудника хлестала темная, почти черная венозная кровь с обильной розовой пеной — абсолютный, хрестоматийный признак напряженного пневмоторакса и разрыва паренхимы легкого.

Но страшнее всего было другое: вокруг зияющей раны расплзалась мерзкая, пульсирующая паутина фиолетовых сосудов. Искажение проникло внутрь грудной клетки, начав процесс экстренной некротизации тканей.

[Диагностика субъекта: Неизвестный боец. Уровень 38. Класс: Берсерк Крови]

[Статус: Агональное состояние. Травматический геморрагический шок IV степени]

[Острая дыхательная недостаточность. Тотальное Искажение плевральной полости]

[Время до остановки сердечной деятельности: 02:45... 02:44...]

Замыкал отряд их командир.

Двухметровый бугай с дикой гривой всклокоченных рыжих волос, перехваченных ремешком из сыромятной кожи. Лицо его пересекал уродливый застарелый шрам от челюсти до брови, а из перебитого носа на густую бороду капала кровь. В левой руке он сжимал колоссальный боевой молот, увенчанный шипом, а в правой — пустой кристалл от выгоревшего целебного заклинания.

Заметив на пороге лазарета чистый, ровный белый свет барьера, рыжий взревел, как раненый медведь:

— Держать строй, сучьи потроха! Впереди укрытие! Живее, мать вашу, Грогги закругляется!

Они буквально ввалились в арку, обрушив на пол щит с раненым. Грохот железа о камень эхом разнесся по сводам древнего святилища. Двое бойцов без сил рухнули на колени, тяжело отхаркивая серую пыль Каверны, а командир, шатаясь от усталости и ярости, метнулся к Артуру.

В его диких, воспаленных глазах плескалось отчаяние человека, привыкшего крушить врагов в пыль, но столкнувшегося с тем, что нельзя расколоть молотом.

— Где лекарь?! — проревел гигант, сгребая воздух перед грудью Воронова бронированной перчаткой, с которой капала слизь. — Сюда жреца! Быстро, падаль! Тащи сюда целителя Света! Нам нужен круг исцеления шестого ранга! Или свиток «Длани Рассвета»! У нас замглавы подыхает! Если Грогги склеит лапы — я эту Каверну по камешку разнесу, а всех, кто здесь прятался, на ремни спущу! Где чертовы клирики?!

Артур Воронов даже не моргнул.

Его взгляд — холодный, лишенный всякого страха, аналитический инструмент высшей пробы — скользнул по фигуре командира, зафиксировал уровень адреналина, гипервентиляцию и микротремор пальцев, после чего переместился на умирающего берсерка на досках.

Таймер Системы безжалостно отсчитывал секунды: *[02:18... 02:17...]*

— Прекратите истерику, — спокойно, ледяным тоном заведующего реанимацией произнес Артур. — Своим криком вы ускоряете расход остаточного кислорода в помещении и провоцируете у вашего спутника дополнительный выброс кортизола, что ускоряет декомпенсацию миокарда.

Рыжий опешил. На долю секунды его звериная ярость наткнулась на непреодолимую стену абсолютного, профессионального спокойствия, которое обычно исходит только от палачей или высших судей.

— Чего?.. — выдохнул верзила, сжимая рукоять молота. — Ты кто такой вообще?! Где жрецы Ордена? Где послушники в белых сутанах?! Почему ты здесь один?!

Артур шагнул вперед, сокращая дистанцию. Он не доставал берсерку даже до подбородка, его серая тканевая туника казалась смехотворной на фоне черных лат, но сила его присутствия заставила двух других воинов невольно подобраться.

— В этом секторе нет жрецов Ордена, — отрезал Воронов, подходя к лежащему гиганту и опускаясь на одно колено рядом с раскуроченной кирасой. — Я — дежурный специалист. И если вы продолжите сотрясать воздух, ваш «Грогги» войдет в терминальную стадию через сто двадцать секунд.

Рыжий командир нахмурился, вглядываясь в Артура. Его взгляд упал на руки Воронова.

Ни священного серебряного молота в петлице. Ни золотого знака Солнца или Милосердной Матери. Ни четок из костей праведников. Ни единого свитка высшей магии на поясе.

Только кожаный развернутый несессер на ближайшем камне, в котором тускло поблескивали странные, узкие, пугающе холодные металлические лезвия, зажимы с зубчатыми фиксаторами, изогнутые иглы и рулоны плотной белой ткани. И тонкий голубой луч, мерцающий на кончиках пальцев незнакомца.

— Ты... ты маг исцеления? — с подозрением, сквозь зубы выдавил командир, тяжело дыша ему в затылок. — Какой у тебя ранг? Какая стихия? Где твое благословение Света?! Спой молитву, черт тебя дери! Наложь на него «Малое Воскрешение» или хотя бы «Очищение Крови»!

Артур пальцами, защищенными тонкой пленкой антисептической маны, резко надавил на сонную артерию раненого, затем приложил ухо к неповрежденной стороне грудной клетки.

— Симптом «кошачьего мурлыканья». Смещение средостения вправо. Левое легкое коллабировано, плевральная полость заполнена кровью и газом под давлением, — быстро пробормотал Воронов, глядя на интерфейс повреждений. — Молитвы здесь бесполезны. Ваш боец умирает от механической асфиксии и тампонады. Я не жрец. Я — хирург.

Слово повисло в воздухе, словно брошенный в ледяную воду раскаленный кусок шлака.

Рыжий замер. Его брови сошлись на переносице, маленькие глазки налились дурной, первобытной кровью.

— Кто?.. — переспросил он, и голос его сорвался на опасный, утробный рык. — Хирург? Это еще что за собачья масть? Ты лекарь или нет?!

— Я врач, — не оборачиваясь, Артур потянулся к поясу, извлекая костяной распатор и длинную полуую иглу для торакоцентеза, которую он заблаговременно модифицировал с помощью пространственной магии. — Мой профиль — оперативное вмешательство и ликвидация анатомических дефектов. Отойдите назад. Нарушаете границы зоны асептики.

В этот момент умирающий берсерк на щите выгнулся дугой.

Горлом у него хлынула густая темная пена. Глаза закатились, обнажая желтушные белки, покрытые сеткой лопнувших капилляров. Фиолетовые нити Искажения под кожей на его шее внезапно ожили, набухли и зашевелились, формируя плотный узел прямо над яремной веной. Организм агонизировал.

— Держи его! — заорал один из бойцов, бросаясь к ногам товарища. — У него судороги Бездны! Скверна жрет его изнутри!

Командир в два шага подскочил к Артуру, и его тяжелая, обитая железом перчатка с силой врезалась в плечо Воронова, грубо отшвыривая хирурга от раненого.

Силы в 10 единиц Артуру хватило, чтобы удержать равновесие и не упасть на каменный пол, но инерция заставила его сделать три быстрых шага назад. Инструменты в его руках остались неподвижны — рефлекс хирурга спас стерильные лезвия от удара о грязные камни.

— Пошел вон! — взревел командир «Кровавого Топора», заслоняя собой умирающего, словно гора черного железа. Его лицо побагровело от бешенства. — Какой еще нож?! Ты что удумал, ублюдок?! Резать его собрался, когда в нем скверна сидит?!

— У него клапанный пневмоторакс, идиот, — холодно процедил Артур, поднимая глаза на гиганта. В голосе Воронова не было обиды — в нем звенела ярость врача, у которого отбирают пациента на пороге клинической смерти. — Если я не сброшу давление в плевральной полости, сердце остановится через семьдесят секунд.

— Заткнись! Слышать ничего не хочу! — командир сорвал с пояса висевший на цепочке тяжелый пергаментный свиток, опечатанный сургучом с тиснением золотого креста. Руки воина дрожали, он ломал печати зубами. — Нам нужны клирики, а не мясник со скальпелем!

Голос берсерка раскатился под сводами, заглушая хрипы умирающего:

— Настоящее ранение лечится божественной благодатью! Верой и Светом! А ты — падаль подзаборная, костоправ самозванный! Хочешь распороть моего первого зама, чтобы он сдох в муках от твоих железок?! Я видел таких тварей в трущобах Нижнего Города! Вы назы-

ваете себя лекарями, а сами только и умеете, что ампутировать гнилые культы ржавыми пилами да обирать трупы! Уйди с дороги, недоумок! Нам нужно исцеление богов, а не потрошитель!

Двое других бойцов встали по бокам от своего командира, обнажив короткие абордажные тесаки. Их взгляды были полны дикого, суеверного страха и ненависти. Для обитателей этого мира, привыкших к мгновенным эффектам святых заклинаний — когда вспышка золотого света затягивает рубцы и сращивает кости за счет божественной маны — концепция механического разреза живого тела казалась осквернением, черным колдовством или дикостью дикарей.

Они искренне верили, что нож в ране — это верная смерть.

— Командир, разворачивай свиток! — крикнул один из мечников, с ужасом глядя, как лицо раненого Грогги приобретает багрово-синюшный оттенок. — Свет выжжет порчу! Свет восстановит здоровье!

— «Благодать Небесного Чертога», шестой круг! Три тысячи золотых на аукционе отвалил! — прохрипел рыжий, взмахивая развернутым свитком над грудью умирающего. — Молись, Грогги! Сейчас тебя накроет!

Артур Воронов стоял в трех шагах, не шелохнувшись.

Его пространственный скальпель ровно мерцал у кончиков пальцев. Лицо хирурга превратилось в маску из гранита. Он видел то, чего эти тупоголовые берсерки, ослепленные догмами игрового мира, были не способны разглядеть даже в микроскоп.

[Анализ энергетического взаимодействия:]

[Внимание! Объект поражен паразитарной формой Искажения: «Фиолетовый лентец» (личиночная стадия)]

[Свойство паразита: Хемотаксис к концентрированной святой магии]

[Прогноз при применении исцеления Света: Гипермутация, детонация биологического ядра]

— Если ты активируешь этот свиток, — ровным, безжалостно тихим голосом произнес Артур, — ты убьешь его собственными руками.

Рыжий даже не обернулся.

— Во имя Первородного Света! — взревел берсерк, вливая остатки своей скудной ярости и маны в древние руны пергамента. — Исцелись!

Свиток вспыхнул ослепительным, золотисто-янтарным пламенем.

Под сводами полуразрушенного лазарета раздался торжественный, чистый колокольный звон. Воздух наполнился ароматом ладана, мирры и раскаленного на солнце меда. Густой столб золотого сияния ударил из пергамента прямо в раскученную грудную клетку Грогги.

Берсерки победно ослабились.

— Вот оно! — выдохнул мечник. — Слава Свету! Раны затягиваются!

На первый взгляд, магия сработала именно так, как обещала системная механика. Край рваной раны вокруг металлических пластин кирасы начали стягиваться. Кожа судорожно срасталась, розовая пена перестала пузыриться на губах бойца. Шкала здоровья над его головой, замершая на критических трех процентах, дернулась вверх: *[НР: 3% -> 7% -> 12%]*.

— Видал, костоправ?! — торжествуя рывкнул рыжий командир, поворачивая перекошенную физиономию к Артуру. — Вот это — работа целителя! Сила богов! А твой скальпель годен только на то, чтобы свиные туши потрошить! Понял свое место, червь?!

Артур Воронов даже не шевельнулся, чтобы возразить. Он лишь поднял руку и указал тонким хирургическим пинцетом на грудь исцеляемого:

— Обратный отсчет. Пять. Четыре...

— Чего ты там каркаешь, падаль?! — взъярился рыжий.

— ...три. Две. Смотрите на пульсацию, кретины.

Улыбка сползла с лица командира быстрее, чем остывает сталь в ледяной воде.

Золотой свет, омывавший тело Грогги, внезапно помутнел. Он не рассеялся — он начал менять спектр. От благородного янтарного он перешел в грязно-желтый, затем в бурый, а в следующее мгновение втянулся прямо внутрь затянувшейся раны, словно его засосало в бездонный водоворот.

Раздался звук, похожий на влажный хруст разрываемой сырой кожи.

— Гха-а-а-а-а-кх! — исторг из себя Грогги.

Это был уже не человеческий крик. Это был рев разрываемой на части плоти.

Берсерк согнулся пополам прямо на досках, с такой силой ударив закованными в железо пятками по камню, что выбил крошку. Затянувшаяся под действием золотого свитка кожа на груди внезапно вздулась гигантским, размером с человеческую голову, багрово-фиолетовым волдырем.

Паразит Искажения, спавший в глубине плевры, сожрал концентрированную ману святого заклинания, словно чистейший глюкозный сироп. Получив колоссальную подпитку, чудовищная колония клеток вступила в фазу взрывного деления.

Сквозь полупрозрачную, натянутую до предела кожу было видно, как внутри шевелятся десятки толстых, червеобразных жгутов с шипами на концах. Они прорастали сквозь мышечную ткань, пожирая легкое, обвивая аорту и сжимая сердце в тиски.

[Критическая системная ошибка!]

[Эффект «Благодать Небесного Чертога» поглощен скверной]

[Мутация: Стадия II -> Стадия IV (Терминальная)]

[HP: 12% -> 4% -> 1%]

[Внимание: Разрыв миокарда через 25 секунд. Детонация биомассы Искращения неизбежна]

— Что... что это?! — командир в панике отшатнулся, выронив пепел от сгоревшего свитка. — Грогги! Брат! Держись!

— Я предупреждал, — ледяной голос Артура Воронова прорезал панические вопли наемников, как лезвие ланцета. — Магия Света для Искажения — не яд. Это высококалорийный стимулятор роста. Вы запечатали входные ворота инфекции, создали внутри герметичный анаэробный мешок и накормили паразита тремя тысячами золотых единиц чистой маны. Поздравляю. Вы только что подписали своему заместителю смертный приговор.

— Спаси его! — командир внезапно рухнул перед Артуром на одно колено, забыв про свой колоссальный молот и недавнюю спесь. В глазах матерого головореза стоял первобытный ужас. — Сделай что-нибудь! Сделай, слышишь?! Я все отдам! Все трофеи за рейд! Золото, камни душ, снарягу! Только не дай ему разорваться!

— Назад, — коротко приказал Артур, и на этот раз в его голосе было столько непрерываемой тяжести, что двухметровый берсерк подчинился рефлекторно, отползая в сторону.

Воронов стремительно шагнул к столу.

Его пальцы двигались с точностью отлаженного швейцарского механизма. Ни тени сомнения. Ни капли страха перед пульсирующей биологической бомбой, готовой взорваться фонтаном ядовитой слизи прямо ему в лицо.

— Перчатки: эфирный изолятор, — прошептал Артур.

Тонкая пленка голубоватого света обтянула его кисти до самых локтей.

— Расширить зону Асептики. Мощность: сто процентов.

Белый купол вокруг операционного поля уплотнился, превращаясь в жесткую полусферу, отрезавшую Артура и умирающего гиганта от ошарашенных наемников.

— Ты же сказал... ты сказал, он мясник! — дрожащими губами прошептал один из мечников, обращаясь к командиру. — Что он делает?! Он же без молитвы к нему лезет!

— Молчать, тварь! — прорычал рыжий, не отрывая взгляда от хирурга. — Смотри... просто смотри...

Артур не слушал их шепота. Для него мир сузился до операционного поля размером сорок на сорок сантиметров.

[Таймер: 00:18... 00:17...]

— Пациент в состоянии клинической смерти. Асистолия. Начинаем экстренную торакотомию, — вслух проговорил Воронов.

В его правой руке луч пространственного скальпеля сократился до трех сантиметров, приобретя форму ультратонкого лезвия с обратным изгибом.

Взмах.

Хирург не стал расстегивать или пилить смятую кирасу. Пространственный разрез прошел сквозь закаленную сталь доспеха так же легко, как сквозь подтаявшее сливочное масло. Металл распался надвое, обнажив чудовищно деформированную, натянутую грудную клетку.

Второй взмах — точнейший, выверенный до долей миллиметра разрез по краю раздувшегося фиолетового волдыря.

— Вскрытие очага.

Из раны с диким шипением вырвался столб зловонного фиолетового газа под давлением в несколько атмосфер. Но он не коснулся лица врача — белый купол Асептики мгновенно сжег токсичные испарения, превратив их в безобидную серую пыль.

Артур погрузил левую руку, защищенную эфирным полем, прямо в зияющую рану.

Берсерки за куполом дружно ахнули, кто-то из них схватился за рукоять меча, но замер, парализованный открывшимся зрелищем. Человек в серой тунике с абсолютным холонокровием копался во внутренностях их командира так, словно перебирал шестеренки в сломанных часах.

— Фиксация паразитарного узла, — пальцы Воронова нащупали склизкое, извивающееся ядро мутации, оплетшее корень левого легкого. — Зажим.

В воздухе материализовался фантомный хирургический зажим из чистой маны, намертво перекрывая питающий сосуд твари.

— Скальпель: режим деструкции искажения.

Голубой луч вспыхнул ослепительным сапфировым светом.

Артур совершил три молниеносных, ювелирных круговых движения внутри раневого канала. Пространственное лезвие отсекало щупальца паразита в микронах от бьющейся в судорогах легочной артерии. Одно неверное движение — и массивное кровотечение залило бы операционное поле за четыре секунды, оставив пациента без шансов. Но рука хирурга высшей категории не дрожала никогда.

Резкий рывок — и Артур выдернул из грудной клетки Грогги пульсирующий фиолетовый ком размером с дыню, покрытый шипами и слепыми отростками.

— Утилизация патологического материала, — Воронов небрежно отшвырнул тварь к границе барьера.

Едва коснувшись белого силового поля, паразит взвизгнул на ультразвуковой частоте и рассыпался прахом, не выдержав абсолютной стерильности пространства.

[Паразитарный узел удален]

[Критическая угроза детонации устранена]

[Внимание: Остановка сердца. Фибрилляция желудочков]

[НР: 0%... Клиническая смерть]

— Рано расслабляться, коллега, — сквозь зубы бросил Артур самому себе. — Прямой массаж миокарда.

Он не стал использовать дефибриллятор — в этом мире его не существовало, а электрические заклинания могли окончательно сжечь проводящие пути сердца. Вместо этого Воронов ввел пальцы правой руки прямо в перикардальную полость, сомкнув их на остановившейся сердечной мышце берсерка.

Ритмичное, мощное сжатие.

Раз.

Два.

Три.

Мана Воронова, трансформированная через интерфейс навыка «Хирург Искажений», тончайшими импульсами потекла сквозь его ладонь прямо в узлы синусового ритма раненого. Это было не слепое исцеление богов, заливающее рану грубой энергией. Это была точечная деполяризация мембран. Искусственный водитель ритма, созданный волей и разумом врача.

Четыре.

Пять.

Под пальцами Артура мертвое, тяжелое сердце гиганта внезапно дрогнуло.

Сократилось самостоятельно. Неуверенно, слабо.

Затем последовал второй толчок — мощнее, глубже.

И наконец — тяжелый, сокрушительный удар, отозвавшийся пульсацией во всем теле поверженного воина.

Грогги судорожно, со свистом втянул воздух через окровавленные губы. Его грудная клетка резко поднялась и опустилась. Воздух со свистом пошел в расправленное левое легкое.

[Сердечная деятельность восстановлена]

[Синусовый ритм: 84 уд/мин. Стабильный]

[НР: 1% -> 5% -> 8% (Стабилизация)]

[Статус: Глубокий наркотический сон. Угроза жизни временно купирована]

Артур плавно извлек окровавленную руку из раны.

Взяв со стола изогнутую иглу с прочной шелковой нитью, насыщенной антисептическим составом, он за считанные секунды наложил непрерывный шов по Ревердену на мышечный каркас, оставив в нижнем углу раны тонкую дренажную трубку из полого стебля целебного тростника для оттока серозного экссудата.

Никакой магии. Чистое мастерство военно-полевой хирургии.

Завязав последний узел, Артур щелкнул пальцами, обрезая нить коротким микролучом скальпеля, и наложил сверху плотную давящую повязку, пропитанную обеззараживающим зельем из несессера.

Белый купол Асептики медленно растаял в воздухе.

В лазарете повисла гробовая, звенящая тишина. Единственными звуками были ровное, глубокое дыхание спящего Грогги и тихий стук капель конденсата за порогом.

Трое выживших бойцов «Кровавого Топора» стояли, вжавшись спинами в противоположную стену. Их глаза были круглыми, лица — блее мела. Они смотрели на Артура так, словно перед ними стоял не человек, а древний архидемон, способный вырывать живые сердца, приковывать смерть к камню и зашивать саму ткань бытия обычной кривой иглой.

Командир отряда медленно опустил руки. Его челюсть мелко подрагивала.

— Он... он дышит? — хриплым, сорванным шепотом выдавил рыжий гигант, боясь сделать даже шаг к доскам. — Ты... ты вытащил из него скверну голыми руками? Без молитвы?..

Артур Воронов медленно вытер окровавленные пальцы куском чистой льняной ветоши. Его движения были неторопливыми, методичными, исполненными абсолютного превосходства профессионала над невежественной толпой.

Он бросил пропитанную черной сукровицей ткань в каменную урну у входа, аккуратно уложил инструменты обратно в ячейки несессера и лишь затем повернулся к командиру наемников.

Холодный, тяжелый взгляд серых глаз хирурга пригвоздил двухметрового берсерка к месту лучше любого парализующего заклинания.

— Пульс семьдесят восемь. Давление в пределах нижней нормы. Он будет жить, если ваши тупые головы не додумаются напоить его элем или снова облить божественной благодарностью до снятия дренажа, — сухо, чеканя каждое слово, произнес Артур.

Он подошел вплотную к застывшему командиру. Тот невольно втянул голову в плечи, хотя был вдвое шире Воронова в плечах.

— А теперь слушай меня внимательно, громила, — тихо, но так, что каждое слово отдавалось звоном в ушах наемников, сказал хирург. — Ты можешь верить в своих богов, можешь молиться хоть восходящему солнцу, хоть лунной заднице. Ты можешь тратить тысячи золотых на пергаменты, которые выжигают легкие твоих солдат. Но запомни раз и навсегда: пока ты находишься в моем лазарете, единственный, кто решает, кому жить, а кому сдохнуть — это я.

Артур указал острием незажженного скальпеля на грудь рыжего:

— И если ты еще хоть раз назовешь меня «мясником» или посмеешь толкнуть врача под руку во время операции... я вскрою твою грудную клетку без анестезии, просто чтобы посмотреть, есть ли у тебя под ребрами хоть капля мозгов. Вопросы есть?

Рыжий командир гильдии «Кровавый Топор» — ветеран трех десятков штурмов, человек, в одиночку валивший пещерных медведей — судорожно сглотнул ком в горле и медленно, с трудом выдавил:

— Вопросов... нет, господин лекарь.

— Доктор, — холодно поправил его Артур, разворачиваясь к постаменту с первым пациентом. — Зови меня «доктор Воронов». А теперь берите носилки и положите раненого во второй сектор. И не шумите в приемном отделении. У нас еще много работы.

Глава 3. Первый эксплойт: Анатомия проклятия

Тяжелые кованые двери лазарета содрогнулись от глухого удара, заставив вздрогнуть даже закованных в железо наемников. Снаружи, из затянутого багровой гарью коридора передовой заставы, пахло не просто гарью — сладковатым, тошнотворным запахом разлагающегося мяса, перемешанного с терпким озоновым душком перегруженных защитных барьеров.

— Назад! Отойдите от проема, уроды! — раздался сдавленный хрип.

В помещение, спотыкаясь и сшибая плечами пустые деревянные стеллажи для склянок, ввалились двое бойцов арьергарда. На их руках, замотанный в изодранный, некогда белоснежный плащ ордена Госпитальеров, висел человек. Точнее, то, что еще сохраняло очертания человека.

— Доктор... — заикнулся было рыжий командир, все еще стоявший с побелевшим лицом у стены, но осекся под ледяным взглядом Артура. — Это Данке. Наш лучший застрельщик. В третьем штреке... его достала тварь из Пролома.

Артур даже не повернул головы в сторону командира. Его движения оставались плавными, экономными, выверенными десятилетиями у операционного стола в Институте скорой помощи. Он сменил запачканные сукровицей нитяные перчатки на свежие — тонкие, вываренные в спиртовом растворе костянки, плотно обтягивающие длинные пальцы, словно вторая кожа.

— На третий стол, — коротко бросил Воронов, указывая на массивную гранитную плиту в центре зала, оборудованную желобами для стока жидкостей. — Руки зафиксировать ремнями. Ноги тоже. Если начнет биться в конвульсиях — сломает себе основание черепа о камень.

— Бесполезно, господин... то есть, доктор, — прохрипел один из принесших раненого, здоровенный арбалетчик с обожженным предплечьем. Его трясло крупной дрожью, а зрачки были расширены от первобытного ужаса. — Это не рана. Это Метка Черного Племена. Гниль Бездны! Старик-капеллан на втором ярусе глянул на него, перекрестился и сказал добить, чтобы зараза не расплзлась по цитадели. Она жрет душу, выжигает ману! Если тронуть — сами почернеем!

— Я спросил ваше экспертное мнение по патологической анатомии? — не повышая голоса, произнес Артур. В его голосе не было злости — лишь бесконечное, леденящее душу презрение хирурга к паникующим санитарам. — Я отдал распоряжение: зафиксировать тело на плите. У вас тридцать секунд, пока я не счел вас биологическим мусором, препятствующим оказанию экстренной помощи.

Наемники переглянулись, с ужасом посмотрели на своего командира, но рыжий лишь молча, с бешеным отчаянием кивнул. Вчетвером, удерживая извивающееся тело товарища через плотную ткань плаща, они втащили застрельщика на гранитный постамент и намертво затянули сыромятные ремни на запястьях и лодыжках.

Артур подошел ближе.

— Всем отойти на три шага от стола. Держать периметр. Ни звука.

Он взялся за край изодранного плаща и одним резким, уверенным движением сорвал его, обнажая торс пациента.

Из глоток наемников вырвался синхронный приглушенный стон. Двое ветеранов торопливо прижали кулаки к груди, шепча молитвы своим местным, равнодушным богам.

Правое плечо, ключица и половина грудины застрельщика представляли собой кошмарную картину. Кожа здесь натянулась, истончилась до прозрачности пергамента и приобрела иссиня-черный, антрацитовый оттенок с влажным жирным блеском. Из эпицентра поражения — глубокой рваной раны чуть ниже ключицы — во все стороны расплзались вздувшиеся

вены толщиной с мизинец. Но по ним текла не кровь: сосуды пульсировали густым, медленным фиолетовым свечением, от которого исходил едва слышный низкочастотный гул. Сама рана не кровоточила. Ее края вывернулись наружу, покрывшись мелкими, шевелящимися наростами, напоминающими щупальца микроскопических актиний, а в глубине, в самом дне мышечного кармана, мерцало тусклое, пульсирующее багрово-черное ядро.

Каждый удар этого ядра отзывался мучительным стоном раненого. Его грудная клетка ходила ходуном, дыхание было частым, поверхностным — не менее сорока вдохов в минуту. Цианоз губ, холодный липкий пот, нитевидный пульс на сонной артерии.

Перед глазами Артура мгновенно развернулся полупрозрачный интерфейс Системы, заваливая зрительное поле алыми предупреждающими маркерами:

|| ВНИМАНИЕ: ОБНАРУЖЕН ДЕСТРУКТИВНЫЙ КОНТИНУУМ ВЫСОКОГО
РАНГА! ||

|| Статус: [Гниль Бездны: Прогрессирующий Некроз Души] (Ранг: А+) ||

|| Локализация: Правый верхний квадрант торакса, подключичная зона ||

|| Поражение жизненных сил: 78% ||

|| Скорость инфильтрации: 1.4% в минуту ||

|| ВРЕМЯ ДО НЕОБРАТИМОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: 06:42 ||

|| Примечание Системы: Проклятие неизлечимо стандартными методами. ||

|| Рекомендовано: Ритуальное сожжение священным пламенем. ||

— Ритуальное сожжение... — уголков губ Артура коснулась едва заметная, кривая усмешка. — Какая средневековая дремучесть. Протоколы времен охоты на ведьм.

Он закрыл глаза на полторы секунды, концентрируя восприятие, а затем активировал полученную при переносе способность, опустив порог восприятия материального мира до минимума.

— [Хирургический Взор: Фасеточный Срез].

Мир вокруг мгновенно потерял цвета. Стены лазарета, лица перепуганных наемников, чадающие факелы — все обратилось в блеклый монохромный шум. Но тело на гранитном столе вспыхнуло сложной, переплетающейся сетью люминесцентных нитей.

Артур не видел «магии» в том смысле, в каком ее представляли туземцы. Для него не существовало «демонической скверны», «божественного гнева» или «проклятий темных владык». Человеческий мозг, проработавший тридцать четыре года в операционных блоках, редуцировал чужеродные концепты к знакомым, фундаментальным законам физиологии и патологии.

Там, где Система и местные жрецы видели непостижимый потусторонний мор, Артур увидел агрессивную, стремительно пролиферирующую биологическую ткань.

— Так, так, так... — пробормотал он себе под нос, склоняясь над раной так близко, что наемники за его спиной испуганно ахнули. — Что у нас здесь?

Он видел, как тончайшие черные филаменты прорастали сквозь фасции большой грудной мышцы. Но они не распространялись хаотично, как простая инфекция или сепсис. Инфильтрация шла строго по ходу межфасциальных пространств, оплетая сосудисто-нервные пучки, но не разрушая их мгновенно, а... используя.

Это была классическая картина неоангиогенеза при агрессивных саркомах!

Темная эманация вела себя в точности как злокачественная опухоль четвертой клинической группы с экстремальным метастатическим потенциалом. Ей нужно было питание. Ей требовался субстрат для поддержания невероятно высокой скорости деления чужеродных магических структур.

И этот субстрат поступал.

Взгляд хирурга скользнул глубже, сквозь толщу дельтовидной мышцы, мимо ключицы, проникая в верхнюю апертуру грудной клетки.

— Вот оно. Ну конечно. Как же я сразу не догадался?

Жрецы терпели фиаско, потому что пытались бороться со следствием. Когда клерик обрушивал на пораженную зону «Священный Свет», он вливал колоссальное количество высокоорганизованной энергии прямо в очаг воспаления. Но для этой паразитической структуры чистая магическая энергия любого спектра была лишь калорийным бульоном! Свет вызывал гипертансацию, ускорял обмен веществ в паразите и приводил к синдрому острого лизиса опухоли с последующим токсическим шоком и немедленной гибелью носителя. Они буквально подкармливали рак чистым сахаром.

А истинная причина крылась глубже.

В глубине подключичной ямки, прямо над куполом плевры, Артур отчетливо разглядел анатомический узел, который любой онколог узнал бы из тысячи.

Это была сосудистая ножка.

Единый, спиралевидно закрученный ствол из уплотненной темной магии диаметром не более полутора миллиметров. Он брал начало от внутренней поверхности паразитического ядра и, прободая фасцию, паразитически анастомозировал — припаивался — напрямую к главному артериальному коллектору: правой подключичной артерии и сопутствующему ей магистральному энергоканалу меридиана легких.

Опухоль не просто жила сама по себе. Она сформировала артерио-магический шунт! Она выкачивала из сердечного выброса питательные вещества и кислород, а из меридиана — жизненную силу, трансформируя их в черную некротическую слизь и выбрасывая токсины обратно в системный кровоток через подключичную вену.

— Гениально, — прошептал Артур, и в его глазах вспыхнул холодный, азартный огонь ученого, разгадавшего головоломку. — Паразитическая неоплазма с эктопической сосудистой ножкой и автономным центром регуляции. Вы не прокляты, идиот. У вас просто локальная ангиосаркома астрального генеза.

— Ч-что он бормочет?.. — послышался сзади дрожащий шепот арбалетчика. — Он колдует? Он читает молитву Смерти?

— Заткнись, — рыкнул рыжий командир, не сводя глаз со спины Воронова. В фигуре хирурга не было ни капли страха. Было лишь нечто куда более пугающее — абсолютная, механическая сосредоточенность палача, знающего анатомию жертвы до последнего нерва.

Артур выпрямился и щелкнул пальцами:

— Скальпель. Номер четыре, брюшистый.

Естественно, ассистентов у него не было. Он сам протянул руку к раскрытому несессеру, пальцы безошибочно нащупали тяжелую рукоять из матовой оружейной стали со сменным лезвием тончайшей заточки.

— Слушать приказ, — бросил он, не оборачиваясь. — Двое самых сильных — навалиться на ноги. Командир — фиксируй голову. Если он дернется хотя бы на полмиллиметра во время вскрытия фасциального футляра, лезвие соскользнет в плечевое сплетение или подключичную вену. И тогда фонтан крови вы будете затыкать своими пальцами. Пошли! Живо!

Рыжий среагировал мгновенно. Вековая привычка подчиняться безоговорочному авторитету командира пересилила страх перед Бездной. Он прыгнул вперед, навалился всей своей двухсоткилограммовой тушей в латах на плечевой пояс раненого, зажав его голову между предплечьями, словно в тисках. Двое других наемников повисли на ногах застрельщика.

Пациент захрипел, его глаза закатились, обнажая белки, испещренные ветвящимися фиолетовыми сосудами. Из приоткрытого рта потекла черная пена.

— Доктор... он кипит изнутри! — заорал рыжий. — От него жаром пышет, как из горна!

— Терпеть, — отрезал Артур.

Он поднес скальпель к ране. Система тут же взорвалась каскадом истерических сообщений:

	ОПАСНОСТЬ: ФИЗИЧЕСКИЙ КОНТАКТ С МАТРИЦЕЙ СКВЕРНЫ!	
	Вероятность заражения инструмента: 99.8%	
	Вероятность поражения оператора: 84.2%	
	Системная ошибка: Отсутствует навык «Священное Очищение».	
	Действие заблокировано протоколами безопасности...	

— Отклонить протокол, — мысленно приказал Артур, жестко подавляя системное сопротивление. — Авторизация: главный специалист. Режим ручного вмешательства. Игнорировать метафизические маркеры, интерпретировать объект как органическую опухоль.

Перед его внутренним взором системные окна дрогнули, пошли рябью и перестроились в лаконичный клинический протокол:

[Цель: Паразитический конгломерат. Тип: Сосудистая мальформация / Неоплазма. Анатомический доступ: Дельтовидно-грудная борозда справа].

— Поехали.

Артур сделал глубокий вдох, стабилизируя сердечный ритм до сорока пяти ударов в минуту. Рука замерла в воздухе, абсолютная жесткость в запястье, идеальная подвижность дистальных фаланг.

Лезвие скальпеля коснулось черной, натянутой кожи в двух сантиметрах ниже ключицы.

Ткань под лезвием не просто разошлась — она зашипела. Воздух наполнился едким, кислым запахом паленого мяса и озона. Брызнула не кровь, а густая, дегтеобразная сукровица, мгновенно разъедающая сталь обычных клинков. Но скальпель Артура был напитан тончайшей пленкой его собственной воли — структурированной кинетической компрессией, которую Система классифицировала как [Скальпель Искажений: Нулевой Разрез]. Черная жижа отскакивала от лезвия, не смея коснуться полированного металла.

— Первый слой — кожа, подкожная клетчатка, — монотонно, вслух комментировал Артур, словно читал лекцию в аудитории для студентов-медиков. — Кровотечение умеренное, венозное, сосуды спазмированы за счет действия эндотоксина. Зонд.

Он отложил скальпель, подхватил изогнутый металлический зонд Кохера и тупоконечные ножницы. Никаких лишних движений. Он не резал наугад, как местные знахари, пытавшиеся «вырезать гниль кусками». Это было бы смертным приговором: при нарушении целостности псевдокапсулы паразита миллионы спор хлынули бы в кровяное русло, вызвав молниеносную генерализацию процесса.

Артур работал тупым путем.

Ножницы вошли в разрез, их бранши мягко раздвинулись, расслаивая волокна большой грудной мышцы вдоль хода волокон, не повреждая мышечные клетки.

— Держи его! — рявкнул Артур, когда тело раненого выгнулось дугой с такой силой, что дубовые опоры стола жалобно заскрипели.

— Держу! Матерь божья, держу! — рычал сквозь зубы рыжий командир, упираясь коленями в каменный пол. Сухожилия на его бычьей шее натянулись до предела.

Артур не обращал внимания на конвульсии. Его мир сузился до операционного поля размером пять на пять сантиметров. Кровь, черная слизь, фиолетовые пульсирующие волокна.

Вот она — фасция малой грудной мышцы. Пропитана темным экссудатом, приобрела студенистый, стекловидный вид.

— Раздвинуть края раны.

Пальцами левой руки, защищенными зачарованной тканью, Артур сместил край разорванной мышцы латерально.

В глубине раны обнажилось пульсирующее чудовище.

Оно выглядело как скопление черной червивой икры, плотно упакованной в полупрозрачную, покрытую сизыми разводами капсулу величиной с кулак новорожденного ребенка. Капсула ритмично сжималась и расширялась, выбрасывая в окружающие ткани снопы тончайших фиолетовых электрических разрядов. От нее исходил отчетливый, низкий звук — нечто среднее между стрекотом саранчи и хриплым дыханием умирающего.

Наемники, державшие ноги застрельщика, зажмурились, отворачивая лица. Их рвало от запаха, но больше — от неопишуемого, животного ужаса перед открывшимся зрелищем. Человек не должен был видеть то, что прячется внутри проклятия.

Но Артур Воронов видел внутри только мишень.

— Фасциальный футляр выделен, — сухо констатировал он. — Опухолевый конгломерат интимно спаян с адвентицией подключичной вены. Смещение на миллиметр медиальнее — разрыв стенки вены, воздушная эмболия, летальный исход через сорок секунд. Смещение латеральнее — пересечение стволов плечевого сплетения, необратимый паралич верхней конечности.

Он поднял правую руку. В его пальцах появился узкий, длинный сосудистый зажим типа «Москит», а следом — изогнутый скальпель с серповидным лезвием.

— А теперь — анатомическая изоляция.

Взгляд хирурга проник под нижний полюс капсулы. Там, в глубоком анатомическом кармане между первым ребром и ключицей, скрывалась та самая структура, ради которой затевалась вся эта дерзкая, балансирующая на грани безумия операция.

Сосудистая ножка.

Она пульсировала с частотой ровно сто двадцать ударов в минуту. Сквозь полупрозрачную стенку этого аномального канала было видно, как артериальная кровь человека, обогащенная маной его ядра, засасывалась внутрь паразита, теряя свой алый цвет и превращаясь в мутный фиолетовый деготь. Ножка была короткой — всего около двенадцати миллиметров — и чудовищно напряженной, готовой лопнуть от внутреннего давления при малейшем неосторожном касании.

Если бы сюда полез обычный маг, он попытался бы испепелить ее пламенем или разрубить боевым заклинанием. Результат был бы катастрофическим: гидравлический удар разорвал бы подключичную артерию, и пациент истек бы кровью за три сердечных сокращения прямо в плевральную полость.

Артур действовал иначе. Он мыслил как хирург-онколог, иссекающий феохромоцитому или метастатический узел у корня брыжейки.

— Первое правило сосудистой хирургии, — негромко произнес он в звенящей тишине лазарета, где единственными звуками были прерывистый хрип умирающего и стрекот темного ядра, — центральный контроль. Прежде чем резать — пережми.

Зажим «Москит» в его руке скользнул в глубину раны. Металлические бранши, тонкие и изящные, прошли в микроскопический зазор между артерией и черным каналом.

Миллиметр. Еще полмиллиметра.

Острие зажима обогнуло питающую ножку сзади.

— Есть экспозиция, — шепнул Артур.

И в то же мгновение темное ядро словно осознало смертельную опасность. Стрекот перерос в пронзительный визг, сотрясший воздух лазарета. Фиолетовые щупальца на краях раны вздыбились, попытались метнуться к пальцам хирурга, в воздухе запахло паленой медью.

— Доктор, оно атакует! — в панике взвыл рыжий, едва удерживая бьющегося в судорогах бойца.

— Смирно! — ледяной рык Воронова ударил по нервам наемников хлеще кнута. — Ни шагу назад!

Пальцы Артура не дрогнули ни на микрон.

Щелк!

Первый зажим сомкнулся на проксимальном отделе сосудистой ножки, пережимая поток крови и маны от подключичной артерии.

Щелк!

Второй зажим лег дистальнее, блокируя ретроградный ток темной энергии из самой опухоли.

Визг паразита мгновенно оборвался, сменившись утробным бульканьем. Черные щупальца, тянувшиеся к лицу Артура, бессильно опали, превращаясь в склизкие серые нити.

Интерфейс Системы замигал бешеным стробоскопом:

КРИТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ: НАРУШЕНИЕ ГОМЕОСТАЗА ПРОКЛЯТИЯ!
Магистральный приток маны: 0.0%
Давление в ядре: Падение на 94%
Статус сущности: Острая ишемия астрального тела

— Вот и все, дорогая моя, — тихо, почти ласково произнес Артур. — Без артериального давления и подпитки ты — просто комок белкового мусора с манией величия.

Он взял скальпель.

Никаких широких взмахов. Никакой театральной магии.

Одно-единственное, микроскопическое, математически безупречное движение. Кончик лезвия вошел точно в межзажимный промежуток — зону шириной всего в два миллиметра.

Чик.

Звук был похож на хруст разрезаемого сухожилия или плотного хряща.

Питающий канал темной магии был пересечен.

В следующую секунду законы метафизики этого мира вступили в катастрофическое противоречие с законами примитивной хирургической логики, которую принес с собой этот чужак.

Лишенная связи с кровеносной системой носителя, паразитическая опухоль пережила мгновенный, тотальный апоптоз.

Черная масса в глубине раны вдруг замерла, на долю секунды надулась, а затем с тихим сухим щелчком... остекленела. Черный антрацитовый блеск сменился тусклой серостью мертвого шлака. Пульсирующие вены на груди и шее бойца резко втянулись, спались, теряя фиолетовое свечение.

— Зажим Кохера, — скомандовал сам себе Артур.

Он подцепил омертвевшую, окаменевшую капсулу инструментами и одним плавным тракционным движением извлек ее целиком из фасциального ложа, словно спелый орех из скорлупы.

На дне раны осталась идеально чистая, розовая мышечная ткань. Лишь крошечная культя сосудистой ножки едва кровоточила чистой, алой капиллярной кровью. Артур прижал к ней тампон, смоченный кровоостанавливающим составом, прижег микроскопическим разрядом направленной коагуляции и наложил одну-единственную шелковую лигатуру.

Кровотечение остановилось.

Он бросил извлеченный конгломерат — еще минуту назад считавшийся смертным приговором целой армии — в медный таз у края стола.

Ударившись о металл, черная опухоль рассыпалась в мелкий, сухой серый пепел, не оставив после себя даже следа скверны.

В лазарете повисла мертвая, абсолютно нереальная тишина.

Ни стонов. Ни визга магии. Ни звука борьбы.

Лишь глубокий, ровный, свободный вдох застрельщика на операционном столе. Грудная клетка бойца плавно поднялась и опустилась. Синюшность с его лица стремительно сходила, сменяясь нормальным, здоровым блеском кожи спящего человека. Нитевидный пульс на сонной артерии наполнился, стал четким, размеренным: шестьдесят четыре удара в минуту.

Системный интерфейс Артура замер, словно подавившись колоссальным объемом входящих данных, а затем буквально взорвался золотым сиянием, от которого рябило в глазах:

```
|| ВНИМАНИЕ: ЗАРЕГИСТРИРОВАН СИСТЕМНЫЙ ЭКСПЛОИТ! ||
|| Действие классифицировано как: Невозможное вмешательство. ||
|| Деструктивный континуум ранга А+ [Гниль Бездны] полностью ||
|| деактивирован без применения контр-заклинаний и святой магии! ||
|| Метод: Механическая резекция трофического вектора (сосудистой ||
|| ножки). ||
|| ||
|| ВЫЧИСЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ: 100.0% ||
|| СТАТУС ПАЦИЕНТА: ПОЛНОЕ ИЗЛЕЧЕНИЕ (Фаза регенерации). ||
|| ||
|| ПОЛУЧЕНО ДОСТИЖЕНИЕ: [Анатом Невозможного] ||
|| Открыт уникальный путь развития: [Хирургия Искажений: Ранг 1] ||
|| Интеллект +5 ||
|| Восприятие +8 ||
|| Точность микроманипуляций +12% ||
|| Получен опыт: 14 500 (Уровень повышен! Текущий уровень: 4) ||
```

Артур смахнул назойливые золотые плашки кончиком окровавленного пинцета, даже не вчитываясь в список наград. Цифры, уровни, достижения — все это было вторичным шумом. Имел значение только шов.

Он взял изогнутую иглу с заправленной льняной нитью, обработанной серебряным раствором.

— Иглодержатель, — сухо бросил он в пустоту.

Его пальцы двигались с пугающей механической грацией. Стежок. Узел. Перехват. Еще стежок. Разрезанная дельтовидно-грудная борозда стягивалась идеальным косметическим внутрикожным швом. Края раны совмещались с прецизионной точностью до десятой доли миллиметра. Никаких рубцов, никаких свищей. Через две недели этот парень сможет снова натягивать свой арбалет так, будто ничего и не произошло.

Завязав последний, морской узел, Артур шелкнул ножницами, срезая концы нити.

Затем он медленно отложил инструмент на стерильный лоток, снял перчатки, выворачивая их загрязненной стороной внутрь, и бросил в урну к ветоши.

Лишь после этого он поднял глаза.

Наемники все еще стояли в тех же позах.

Двое здоровяков у лодыжек застрельщика стояли на коленях, вцепившись побелевшими пальцами в края плиты, и смотрели на чистую, зашитую грудь своего товарища круглыми, немигающими глазами. Они выглядели так, словно перед их глазами только что разверзлись небеса и оттуда спустился сам Создатель, чтобы станцевать на столе джигу.

Рыжий командир застыл у изголовья. Его руки все еще сжимали каменный край стола, но пальцы мелко подрагивали. Он смотрел на таз с пеплом, потом на ровно дышащего бойца, потом на тонкие, абсолютно чистые руки Артура.

Ветеран трех десятков кровопролитных штурмов, человек, который не боялся ни демонов, ни королевской инквизиции, сейчас пятился назад, пока его спина не с глухим стуком не встретила гранитную колонну лазарета.

— Ты... — выдохнул рыжий, и его мощный бас сорвался на сиплый фальцет. — Ты что такое?..

— Я врач, — холодно ответил Артур, доставая из кармана чистый белый платок и методично протирая запотевшие стекла пенсне. — И я, кажется, русским языком сказал: не шуметь в приемном отделении.

Он убрал платок, аккуратно надел пенсне обратно на переносицу и бросил строгий взгляд на наручные часы — старые отцовские механические часы, каким-то чудом продолжавшие мерно тикать здесь, в сердце искаженного чужого мира.

Стрелка отсчитала ровно четыре минуты с момента первого разреза.

— Расход времени превысил норматив на пятьдесят секунд, — недовольно поморщился Воронов, подходя к умывальнику и открывая кран с зачарованной ледяной водой. Тщательно намыливая руки едким щелочным мылом, он через плечо бросил застывшим наемникам:

— Зафиксируйте повязку сухим марлевым бинтом. Через час дать пациенту двести миллилитров слабого солевого раствора, если не будет рвоты. При появлении озноба — согреть, но без открытого огня. Рядом положить ведро. Если через три часа температура поднимется выше тридцати восьми — позвать меня.

Артур ополоснул руки, вытер их свежим полотенцем и повернулся к дверям, за которыми в полумраке коридора слышались новые стоны, лязг железа и испуганные крики санитаров передовой заставы.

Его лицо вновь стало абсолютно непроницаемым, серые глаза остекленели профессиональной, холодной отстраненностью хирурга приемного покоя крупного мегаполиса в пятницу вечером.

— Ну? Чего застыли, как истуканы? — бросил он оцепеневшей бригаде. — Освободите третий операционный стол. И везите следующего. У нас очередь.

Глава 4. Спасение лазарета от мутантов

Команда Артура повисла в тяжелом, пропитанном запахами карболки и застарелой крови воздухе. Ни один из наемников не шелохнулся. Рыжий ветеран, чьи могучие плечи обычно внушали трепет даже гарнизонным десятникам, все так же стоял, вжавшись затылком в шершавый гранит несущей колонны, и смотрел на Воронова расширенными зрачками человека, заглянувшего по ту сторону погребального савана.

Но тишину взорвало не повиновение бойцов.

Снаружи, за трехслойными стенами форта, раздался первый удар — гулкий, утробный, словно колоссальный бронзовый таран обрушился на внешние ворота цитадели. Следом за ним воздух вспорол захлебывающийся, надсадный вой сигнальных рогов. Три коротких гудка, один протяжный. Код тревоги наивысшего приоритета: *«Прорыв периметра. Мертвая зона пала»*.

По каменному своду лазарета побежала мелкая дрожь. С потолка, прямо на чистые простыни дальних коек, посыпалась многовековая серая пыль. Артур поморщился так, будто ему под нос сунули протухший реактив.

— Нарушение базового санитарного протокола, — негромко, но убийственно отчетливо произнес Воронов. — Я же распорядился протереть все горизонтальные поверхности дезинфицирующим раствором. Вы что, хотите вспышку госпитальной инфекции в первую же смену?

— Ты... ты совсем полоумный, лекарь?! — взревел рыжий, отлипая от колонны. Его голос дрожал, но теперь уже от бешеного прилива адреналина. Рука ветерана метнулась к широкому боевому палашу, висевшему на поясе. — Сигналы слышишь?! Это не проверка караула! Вторая линия обороны рухнула! Твари из Серой Пади проломили решетку стока!

Словно в подтверждение его слов, в дальнем конце коридора, отделявшего приемное отделение от внешнего двора, раздался истошный человеческий вопль. Звук этот оборвался внезапно и влажно — так лопается переспелая тыква под кованым сапогом. Затем послышался скрежет когтей о каменные плиты, чавканье и мерзкое, сдвоенное шипение десятков дышалец.

Перед глазами Артура тут же зарябила череда системных предупреждений, вспыхивающих алым неоном поверх мутноватого стекла его пенсне:

`[Внимание: Локальный прорыв барьера Очищения!]

`[Активирован боевой сценарий: Оборона санитарного сектора]

`[Обнаружена концентрация биоугроз ранга: Искаженные хищники (Уровень 30–32)]

`[Количество целей в первой волне: 7]

`[Уровень угрозы для текущего статуса персонажа: Смертельный]

`[Совет Системы: Немедленно эвакуируйтесь под защиту тяжелой пехоты Ордена!]

— Смертельный... — сухо констатировал Артур, даже бровью не поведя на панические системные транспаранты. — Безграмотная диагностика. Смертельным бывает исход при несвоевременном гемостазе. Все остальное — рабочий процесс.

Он неторопливо поправил манжеты застиранного хлопкового халата, натянул тонкие латексные перчатки, добытые из глубин пространственного инвентаря — реликвии его прошлой, земной жизни, каким-то чудом сохранившие форму и молекулярную память при переходе через Грань, — и подошел к инструментальному столику.

Паника в палате нарастала лавинообразно. Легкораненые, с перебинтованными культиями и наспех зашитыми животами, в ужасе пытались сползти с коек на пол. Кто-то гремел перевернутыми утками, кто-то скулил, забиваясь под железные каркасы кроватей. Санитары бросили носилки и рванули к запасному выходу, но тяжелый кованый засов заклинило от сотрясения стен.

— Стоять, щенки! — рывкнул рыжий наемник, перехватывая палаш двумя руками. Мышцы его шеи вздулись канатами. — В круг! Раненых в центр! Горн, держи створку! Если эти

суки ворвутся всей стаей — нам конец! У них панцири такие, что зачарованный арбалетный болт рикошетит в щепки! Тридцатый уровень, мать вашу! Они людей пополам перекусывают!

— Хватит сотрясать голосовые связки, сержант, — холодно оборвал его Артур. Он взял с лотка два инструмента: короткий ланцет с лезвием из лунной стали толщиной всего в полмиллиметра и изогнутый диссекционный крючок. — Вы поднимаете пыль и повышаете уровень кортизола у послеоперационных больных. Встаньте за моей спиной и не мешайте персоналу выполнять врачебные манипуляции.

— Ты рехнулся, костоправ?! — взвыл рыжий. — Тебя же первым сожрут! Твои зубочистки их шкуру даже не поцарапают!

Дверь операционного покоя разлетелась в щепы.

Тяжелые дубовые створки, окованные полосовым железом, вырвало с мясом вместе с каменными косяками. В проем хлынул зловонный, удушливый смрад — смесь гниющей падали, едкой серы и кислотного желудочного сока.

Первая тварь протиснулась в помещение с пугающей, неестественной для своих габаритов грацией.

Это был трехметровый кошмар, порожденный безумием Искажения. Смесь гигантской псоглавой гиены и бронированного богомола. Грязно-серая шкура местами отсутствовала, обнажая волокна гипертрофированных мышц, плотно переплетенных между собой, словно стальные тросы. Сверху туловище прикрывали толстые, ороговевшие наросты хитина толщиной в ладонь взрослого мужчины. Из пасти, усеянной тремя рядами загнутых внутрь игловидных зубов, капала темная, дымящаяся на камнях слюна.

`[Искаженный Костегрыз Грани. Элитный застрельщик]`

`[Уровень: 30]`

`[Запас сил: 4800/4800]`

`[Броня: Высокая (Хитиновый экзоскелет 4-го класса)]`

`[Особенности: Регенерация искаженной плоти, Кислотный концентрат, Сверхвысокая подвижность]`

Чудовище зарычало — низкий, инфразвуковой рокот ударил по барабанным перепонкам, заставив раненых солдат зажать уши и закричать от боли. Рыжий ветеран осел на одно колено, выставив перед собой клинок, по лезвию которого дрожали искры защитного заклинания.

Костегрыз присел на задние лапы. Его мощные бедра сжались, аккумулируя кинетическую энергию колоссальной разрушительной силы. Прыжок нацеливался прямо на строй парализованных наемников.

— Защита!.. — прохрипел рыжий, закрывая глаза.

Артур Воронов сделал один шаг вперед.

Для окружающих это выглядело как самоубийственная медлительность. Человек в белом халате и пенсне просто вышел навстречу летящей в прыжке пятисоткилограммовой туше бронированного монстра. Но в восприятии самого Артура мир давно перешел в иной временной регистр.

`[Активирован уникальный классовый навык: «Анатомический Взор Нулевого Порядка»]`

`[Расход маны: 5 единиц в секунду]`

`[Мир очищен от визуального шума. Проекция цели переведена в структурно-каркасный режим]`

Шкура, хитиновые пластины, страшные зубы и горящие яростью багровые фасетки глаз чудовища — все это мгновенно потеряло для Артура значение. Он видел не монстра. Он видел сложный, но грубо сляпанный природой Искажения биомеханический аппарат.

Красные пульсирующие тяжи мышечных брюшек. Белые, натянутые до предела струны апоневрозов. Желтоватые нервные стволы, по которым бежали электрические импульсы командных сигналов.

«Примитивно, — мелькнула в голове хирурга привычная, холодная мысль. — Избыточная мышечная масса при катастрофической незащищенности суставных капсул. Эволюционный тупик. Кто вообще проектировал эту кинематику? Зачет по оперативной топографии этот организм бы точно завалил».

Костегрыз находился в воздухе, в полутора метрах от пола. Скорость его движения превышала сорок километров в час. Обычный воин попытался бы встретить удар щитом или подставить острие копья под хитиновый лоб — и был бы раздавлен массой.

Артур не стал блокировать. Он плавно сместился влево ровно на сорок сантиметров, пропуская траекторию полета твари по касательной к своему плечу. Воздушная волна шевельнула полы его халата.

Рука со скальпелем сделала едва заметное, выверенное до десятой доли миллиметра движение. Вход — разрез — выход. Длина траектории лезвия — три сантиметра. Глубина погружения — ровно восемь миллиметров.

Лезвие из лунной стали вошло в едва заметную щель между бедренным щитком и надколенником твари, точно рассекая связку надколенника и медиальный удерживатель сустава в точке наивысшего механического напряжения.

Хрусть.

Звук был тихим, словно лопнула перетянутая гитарная струна. Но последствия были катастрофическими.

Когда мышца, сокращенная с силой в несколько тонн, внезапно теряет точку фиксации, запасенная в ней энергия обращается против самого тела. Лишенное опоры четырехглавое мышечное брюшко костегрыза с чудовищной силой сжалось вверх, сорвав надкостницу и буквально вывернув коленный сустав наизнанку изнутри.

`[Критическое попадание: Анатомический дефект сухожильного аппарата!]

`[Эффект: Полная утрата опорной функции правой тазовой конечности]

`[Урон: 12 (Чистый урон от декомпенсации тканей: 1850)]`

`[Статус цели: Нарушение траектории полета, Неуправляемое падение]

Монстр даже не успел взвыть. Вместо триумфального приземления на строй защитников лазарета, его правая лапа безвольно подвернулась, как сломанная ветка. Огромная туша с оглушительным грохотом рухнула на каменный пол, пропахав носом борозду в гранитных плитах и по инерции сбив два пустых эмалированных таза.

Тварь забилась на полу, пытаясь оттолкнуться здоровыми лапами и развернуться к обидчику, но Артур уже стоял над ее шеей.

— Не дергайтесь, больной, — сухо бросил он. — Вы провоцируете обширное кровоизлияние в мягкие ткани.

Диссекционный крючок в левой руке хирурга подцепил кожную складку у основания массивного черепа, оттягивая плотную фасцию. Правая рука коротким, почти ленивым тычком погрузила тонкий ланцет прямо в атлanto-затылочное сочленение — туда, где спинной мозг переходит в продолговатый.

Лезвие провернулось на девяносто градусов.

`[Нанесено фатальное повреждение центральной проводящей системы!]

`[Искаженный Костегрыз Грани (Уровень 30) уничтожен]

`[Получено опыта: 14 500]

`[Зафиксировано аномальное соотношение затраченной энергии к летальности: Эффективность 99.8%]

Судорога пробежала по телу чудовища от затылка до кончика покрытого шипами хвоста. Лапы вытянулись, когти в последний раз скрежетнули по камню, высекая снопы искр, и туша безжизненно обмякла. Из крошечного прокола на шее не вытекло даже капли темной сукровицы — разрез был настолько чистым, что стенки капилляров слиплись под давлением окружающих тканей.

На часах Артура секундная стрелка сдвинулась всего на три деления.

— Три секунды на особь, — пробормотал Воронов, критически оглядывая труп. — Многовато. Пришлось тратить время на позиционирование. Если бы у меня был нормальный костный распатор, манипуляция заняла бы вдвое меньше времени.

В операционной стояла мертвая, ошеломленная тишина.

Рыжий наемник застыл с поднятым палахом. Его челюсть отвисла так низко, что он походил на деревенского дурачка. Бойцы за его спиной забыли, как дышать. Тварь тридцатого уровня — кошмар гарнизонных разъездов, на уничтожение которой требовался слаженный отряд ветеранов при поддержке мага и жреца — лежала у ног щуплого лекаря без единой раны на броне. Она просто... сломалась. Как испорченная заводная игрушка.

Но времени на осмысление чуда у них не было.

Из коридора донеслось яростное, захлебывающееся рычание. Запах гари и гнили усилился стократно. В разбитый дверной проем одна за другой ввалились еще три твари.

Две из них были схожи с первой — мускулистые, бронированные загонщики с саблевыми наростами на передних лапах. Третья была крупнее: ее удлиненное, плоское, как у многоножки, тело покрывали ряды гибких сочленений, а вдоль хребта топорщились костяные иглы метровой длины.

`Иглоспинный Ловчий Искажения. Элитный мутант`

`[Уровень: 31]`

`[Запас сил: 5600/5600]`

`[Класс опасности: Дальний бой / Захват]`

`[Искаженные Гончие Грани (2 особи)]`

`[Уровень: 29]`

— Назад! Назад в палату! — наконец очнулся рыжий, перекрывая собственный страх зычным командным матом. — Луки! Где стрелки, чтоб вас разорвало?!

— Молчать, — не повышая голоса, скомандовал Артур. В его тоне было столько ледяного авторитета заведующего хирургическим отделением во время массового поступления после ДТП, что рыжий поперхнулся воздухом и замолк на полуслове. — Не размахивайте железом. Вы создаете хаотичные воздушные потоки и разносите споры Искажения. Стойте там, где стоите.

Артур не стал ждать атаки. Он шагнул вперед, прямо в коридорную арку, перегораживая собой вход в палату.

Иглоспинный Ловчий среагировал мгновенно. Его гибкое тело изогнулось дугой, спинные сегменты с лязгом разошлись, и три костяные иглы, покрытые темным паралитическим токсином, со свистом сорвались с хребта, целясь в грудь наглеца.

Для наемников этот залп слился в один размытый щелчок. Но Артур читал мышечные сокращения твари за долю секунды до выстрела. По напряжению дорсальных пучков и наклону гребней он уже знал точку падения каждого снаряда.

Хирург лишь слегка наклонил корпус вправо. Первая игла с глухим стуком вонзилась в каменный пол в сантиметре от его начищенного ботинка, разбрызгивая черную отраву. Вторая прошла воздух там, где секунду назад находилось его правое ухо.

Третью иглу Воронов перехватил налету.

Это не было приемом боевых искусств. Это было движение травматолога, ловящего падающий со стола инструмент: пальцы в латексной перчатке сжали костяной шип у самого осно-

вания, где центр тяжести гасил вращающий момент. Используя инерцию снаряда, Артур сделал полуоборот и с коротким выдохом послал полуметровую кость обратно.

Точка входа была выбрана с безупречной анатомической точностью — зрительная щель левой гончей, набиравшей разгон для прыжка.

Игла вошла в глазницу твари на всю длину, пробив тонкую клиновидную кость и вонзившись в зрительный бугор мозга. Гончая взвизгнула, ее передние лапы подкосились, и она кубарем покатила по полу, сбивая с ног бегущую рядом сестру.

`[Использован снаряд противника: Анатомическая инверсия урона]`

`[Искаженная Гончая Грани (Уровень 29) — Мгновенная слепота, Поражение стволовых структур]`

`[Статус: Критическая дисфункция]`

Пока сбившиеся в кучу твари пытались распутаться, Артур уже сократил дистанцию.

Движения хирурга напоминали танец за операционным столом, где каждое движение экономит драгоценные секунды жизни пациента. Никаких широких замахов. Никаких криков ярости. Только холодный расчет и чистое знание топографии плоти.

Вторая гончая вывернулась из-под туши подбитой соплеменницы и щелкнула челюстями в сантиметре от бедра Воронова. Запах серы опалил ткань халата.

Артур даже не дрогнул. Его левая рука с металлической линейкой-зондом скользнула под нижнюю челюсть монстра, находя ямку между углом челюсти и сосцевидным отростком.

— Латеральная крыловидная мышца, — негромко произнес он, словно читал лекцию нерадивым студентам третьего курса. — Обеспечивает смещение челюсти вперед и смыкание при жевательной нагрузке.

Кончик ланцета вошел под скуловую дугу. Короткий кистевой надрез.

Связки лопнули. Нижняя челюсть чудовища безвольно повисла на кожном лоскуте, вывихнутая из суставной ямки. Тварь захлебнулась собственной слюной, не в силах сжать пасть. Ее язык вывалился наружу, как кусок сырой печенки.

— А теперь — лучевой нерв и сухожилия двуглавой мышцы плеча, — продолжил Артур, скользя лезвием вдоль передней лапы ошaleвшей гончей.

Два микро-надреза. Глубина — четыре миллиметра.

Огромная, усаженная серповидными когтями лапа мгновенно превратилась в безжизненную плоть. Тварь потеряла равновесие и завалилась на бок, беспомощно суча задними конечностями. Она была жива, ее запас здоровья Системы все еще показывал более семидесяти процентов, но функционально она представляла собой не более чем кусок парализованного мяса.

`[Цель полностью обездвижена: Двусторонний парез жевательного аппарата, Паралич опорной системы]`

`[Угроза нейтрализована]`

Оставался Иглоспинный Ловчий.

Многоножка поняла, что перед ней не обычная добыча. Ее сегментированное тело зашипело, из сочленений брони повалил желтоватый едкий пар — защитная реакция при угрозе уничтожения. Тварь свернулась в тугое кольцо, ошетилившись оставшимися иглами, и с грохотом бросилась вперед, вращаясь, как циркулярная пила, намереваясь буквально перемолоть дерзкого двуногого в фарш.

— Назад, доктор! — заорал кто-то из раненых в палате. — Она сотрет тебя в порошок!

Артур даже не моргнул. Он активировал вторичную функцию своих перчаток, концентрируя тончайшую нить пространственной маны — ту самую силу, которой он только что извлекал споры Искажения из раненого бойца.

«Вращательное движение. Частота — около трехсот оборотов в минуту. Синхронизация сегментов обеспечивается за счет узлов брюшной нервной цепочки, расположенных в межсочленовых мембранах. Если нарушить импульсацию хотя бы в одном сегменте...»

Воронов дождался, пока крутящийся клубок шипов и брони окажется в метре от него.

Он не стал уворачиваться. Вместо этого он выбросил вперед руку с зажатым длинным зондом для пункций. Тонкая игла из закаленной стали, напитанная маной Нулевого Разреза, вошла точно в сочленение между четвертым и пятым панцирными сегментами вращающегося чудовища.

В физике это называется заклиниванием шестерни.

Тонкий инструмент не сломался — мана Артура удерживала атомарную структуру металла в состоянии абсолютной жесткости. Но главное, игла пробила центральный нервный ганглий, координировавший синхронную работу левых и правых двигательных сегментов.

Результат превзошел все ожидания наемников.

Крутящаяся тварь внезапно испытала жесточайший мышечный спазм с одной стороны тела, в то время как другая продолжала двигаться по инерции. Законы механики были неумолимы. Ловчего скрутило винтом, его собственный панцирь не выдержал скручивающего момента и с оглушительным треском лопнул вдоль позвоночной линии.

Из лопнувшей брони брызнула голубоватая гемолимфа. Монстр распрямился, судорожно молотя воздух уцелевшими сегментами, но траектория его движения была сломана. Он врезался в каменный косяк входа, застряв между гранитными блоками.

Артур подошел вплотную. Его дыхание оставалось абсолютно ровным. Пульс — семьдесят два удара в минуту.

— Вы перегружаете опорно-двигательный аппарат, пациент, — произнес он, поднимая скальпель. — Требуется срочная декомпрессия.

Один точный укол под затылочный щиток. Проворот лезвия. Разрушение продолговатого ганглия.

Ловчий обмяк, безвольно повиснув на каменной кладке, как гигантский треснувший панцирь омара.

`[Иглоспинный Ловчий Искажения (Уровень 31) ликвидирован]`

`[Серия нейтрализаций без получения урона: Бонус мастерства x2.5]`

`[Уровень персонажа повышен! Текущий уровень: 14]`

`[Получено очков характеристик: 5]`

`[Получено очков навыков: 2]`

`[Открыт новый анатомический пресет: Сегментированные биоструктуры Грани]`

В коридоре лазарета наступила вязкая, неестественная тишина, нарушаемая лишь шипением испаряющейся на камнях кислотной крови и неровным дыханием полумертвой второй гончей, лежавшей на полу с вывихнутой челюстью.

Артур достал из кармана чистую спиртовую салфетку и методично стер с лезвия ланцета крошечную каплю прозрачной гемолимфы. Ни на его белом халате, ни на рукавах рубашки не появилось ни единого пятнышка. Он выглядел так, будто только что закончил демонстрацию наглядного пособия в анатомическом театре столичного университета.

Он повернулся лицом к палате.

Наемники, раненые, санитары — все смотрели на него с немим, парализующим ужасом. Никакая магия огня, никакие сияющие клинки паладинов не производили на них такого впечатления. Это не было битвой. Это было хладнокровное, математически выверенное препарирование живых монстров, перед которыми трепетали закаленные бойцы.

Рыжий опустил палаш. Руки ветерана дрожали так сильно, что ножны на его бедре мелко стучали о металлический наколенник.

— Ты... ты пальцем к ним не прикоснулся... — прошептал он сухими губами. — Ты их... ты их просто порезал... как поросят на бойне...

— Не путайте хирургию с забоем скота, любезный, — строго оборвал его Артур, возвращая ланцет в стерилизационный лоток. — Забойщик работает грубо, разрушая структуру

мяса. Хирург уважает фасциальные футляры и топографическую анатомию. Если бы вы знали расположение нервных сплетений у местной фауны, ваш гарнизон тратил бы на оборону на восемьдесят процентов меньше боекомплекта и не заполнял бы лазарет тяжелыми инвалидами.

Он бросил строгий взгляд на лежащего у порога второго монстра, который продолжал слабо сучить задней лапой.

— Сержант.

Рыжий вздрогнул и непроизвольно вытянулся во фрунт:

— Я!

— Дорежьте эту особь. Удар в висок под углом сорок пять градусов, глубина погружения клинка — десять сантиметров. Не повредите внутренние органы, я планирую взять образцы синовиальной жидкости из суставных сумок. Нам не хватает антисептических компонентов для заживления свищей.

— Д-да, господин лекарь... — хрипло выдавил наемник и, осторожно обходя Артура по широкой дуге, словно тот был готовой взорваться алхимической бомбой, подошел к дергающейся твари и с хрустом вогнал палаш в указанную точку.

Тварь затихла окончательно.

Но облегчения гарнизону это не принесло. Из глубины внешнего двора, сквозь разбитые перекрытия, докатился новый звук — тяжелый, сотрясающий фундамент цитадели топот. Казалось, к лазарету приближалась осадная башня, обутая в железо и сырую плоть.

Воздух в коридоре сгустился, потяжелел, приобретая фиолетовый, гниlostный оттенок. Датчики Системы снова замигали багровыми вспышками, на этот раз с утроенной частотой:

`[Внимание: Приближение полевого лидера штурмовой группы!]

`[Объект: Чумной Брут Искажения (Мини-босс локации)]`

`[Уровень: 34]

`[Запас сил: 18 500 / 18 500]

`[Броня: Сверхтяжелая (Костная инкрустация, регенеративный слой 5-й степени)]`

`[Аура: Чумное разложение (Урон 50 ед/сек всем не защищенным целям в радиусе 15 метров)]`

— Брут... — выдохнул один из легкораненых у стены, роняя кружку с водой. — Это конец. Брута даже катапульты не берут. Он пробивает ворота лбом. Нам крышка. Уходим через вентиляционную шахту!

— Всем оставаться на своих местах! — рявкнул Артур, и в его голосе впервые прорезались металлические нотки главного врача клинической больницы, разгоняющего панику во время пожарной тревоги. — Прекратить истерику! Любое самовольное перемещение пациентов с нефиксированными переломами приведет к смещению костных отломков и жировой эмболии! Хотите сдохнуть от остановки сердца через десять минут беготни по сквознякам — скатертью дорога! Остальным — лежать и дышать через влажную марлю!

Он быстро подошел к шкафу с медикаментами, достал стеклянный флакон с надписью «Раствор сулемы концентрированный» и щедро плеснул его на кусок чистой ткани. Прижав импровизированный фильтр к лицу, он повернулся к выходу.

В коридор, снося плечами каменные выступы стен, вломился исполин.

Это была гора бугрящегося мускульного мяса высотой под четыре метра. Его спина и грудь были закованы в сплошной костяной панцирь, из которого торчали обломки мечей, накопники копий и даже половина тяжелого арбалетного болта — свидетельства тщетных попыток гарнизона остановить чудовище на внешнем дворе. Вместо левой руки у твари вздувался чудовищный костяной нарост, формой напоминавший боевой молот размером с пивную бочку. Вокруг гиганта клубился зеленоватый туман разложения, от которого каменные плиты пола мгновенно покрывались скользким серым налетом плесени.

`[Вы находитесь в зоне действия «Ауры Чумного Разложения»!]

`[Соппротивление искажению (Врожденное): 85%]`

`[Получаемый урон снижен до 7 ед/сек]`

`[Внимание: Ткани объекта обладают свойством мгновенного смыкания (Регенерация: 450 ед/сек)! Поверхностные разрезы неэффективны!]

— Четыреста пятьдесят единиц в секунду... — пробормотал Артур, оценивающе оглядывая приближающуюся машину через стекла пенсне. — Гиперплазия грануляционной ткани на стероидах. Впечатляющий метаболизм. Но у любого гипертрофированного процесса есть критическая уязвимость: чудовищное потребление энергии и колоссальное внутреннее давление в сосудистом русле.

Брут взревел, и звуковая волна вышибла уцелевшие стеклянные мензурки на полках операционной. Подняв свой молот-нарост, исполин ринулся вперед, готовясь одним ударом сместь и шуплого человека в белом, и каменный свод лазарета за его спиной.

— Артур, берегись! — не своим голосом крикнул рыжий, вскидывая палаш, хотя сам едва держался на ногах от удушливого смрада чумной ауры.

Хирург не шелохнулся до тех пор, пока костяная кувалда не оказалась в метре от его головы.

В этот миг Воронов активировал очки характеристик, полученные за предыдущих тварей, без колебаний вливая все свободные пункты в «Точность манипуляций» и «Пространственное восприятие».

Мир вокруг снова замер.

Гигант двигался вперед, но в глазах Артура он превратился в прозрачную диаграмму из атласа патологической анатомии.

Вот они — магистральные сосуды, питающие этот кошмарный очаг гипертрофии. Под мощным костяным панцирем, в глубине подмышечной впадины, где броня неизбежно имела зазор для обеспечения подвижности сустава, проходила чудовищная псевдо-артерия — сосудистый ствол толщиной с пожарный шланг, пульсирующий под давлением в несколько сотен миллиметров ртутного столба. Именно он снабжал кровью и маной регенерирующие ткани твари.

Артур скользнул под опускающийся костяной молот. Удар исполина разнес в пыль гранитную плиту в том месте, где секунду назад стоял доктор, но самого Воронова там уже не было.

Он оказался сбоку, в слепой зоне чудовища, прямо под его левым плечевым суставом.

В руке хирурга блеснул не скальпель. Это был длинный, узкий ампутационный нож — старинный инструмент, извлеченный им из хирургического набора полевого госпиталя.

— Первый этап, — негромко прошептал Артур. — Локальная анестезия методом пересечения проводящих путей.

Клинок вошел в щель между грудной костью и плечевым суставом снизу вверх под углом шестьдесят градусов. Артур вложил в удар весь вес своего тела, направляя острие точно в плечевое нервное сплетение.

Чавк.

Костяной молот Брута внезапно потерял упругость. Огромная рука-нарост безвольно рухнула вниз, выломав собственную суставную сумку под тяжестью своего веса. Монстр ошеломленно взревел, не понимая, почему его главное оружие больше не слушается команд мозга.

— Второй этап, — Артур уже сместился за спину твари, избегая удара когтистой правой лапы. — Нарушение магистрального кровотока.

Он не стал пилить кость. Это было бы глупостью, достойной неграмотного рубака. Вместо этого он загнал ампутационный нож под коленную чашечку исполина, рассекая подколенную артерию и глубокий малоберцовый нерв.

Давление в замкнутой кровеносной системе мутанта сработало против него.

Из рассеченного сосуда под диким напором ударил фонтан густой, черной, почти кипящей крови. Струя ударила в противоположную стену коридора с силой брандспойта. Потеряв опору на левую ногу, четырехметровый колосс зашатался, его регенерация мгновенно захлебнулась — организму банально не хватало объема циркулирующей жидкости для переноса питательных веществ к поврежденным волокнам.

`[Критическое артериальное кровотечение!]

`[Потеря объема биомассы: 8% в секунду]

`[Падение системного давления цели: Критическое]

`[Регенерация Чумного Брута подавлена гиповолемическим шоком!]

Брут опустился на одно колено. Земля под лазаретом снова дрогнула, но теперь это было падение поверженного титана. Тварь захлебывалась собственным рыком, пытаясь правой лапой зажать хлещущую из-под колена кровь, но пальцы соскальзывали с собственной скользкой плоти.

Артур обошел его спереди.

Он поднял с пола эмалированный таз — тот самый, который сшибла первая тварь, — и аккуратно поставил его прямо под струю крови, бьющую из поврежденного плечевого сплетения гиганта.

— Никакого уважения к чистоте полов, — с искренним укоризненным вздохом покачал головой хирург. — Мне потом санитаров не дозваться, чтобы этот белковый осадок отмыть.

Брут поднял на него мутные, наливающиеся бельмами глаза. В них больше не было ярости Искажения. В них плескался первобытный, чисто животный ужас перед существом, которое методично, деталь за деталью, разбирало его живое, неуязвимое для стали тело на нефункциональные анатомические фрагменты.

— Ну что вы так смотрите, голубчик? — мягко, почти участливо спросил Воронов, поправляя съехавшее на кончик носа пенсне. — Случай запущенный. Генерализованный некроз, тотальная гипертрофия, выраженная энцефалопатия. Терапевтические методы здесь бессильны. Показана радикальная резекция жизненно важных центров.

Он поднял ампутационный нож обеими руками, нащупывая кончиком лезвия тонкую щель между первым и вторым шейными позвонками чудовища — единственное место на всей трехметровой туше, где костная броня истончалась до жалких двух миллиметров, уступая место соединительнотканной мембране.

— Закройте глаза. Будет немного неприятно.

Короткий, резкий толчок вниз всем весом тела. Проворот.

Хруст ломающегося хряща.

`[Чумной Брут Искажения (Уровень 34, Элита) уничтожен!]

`[Ликвидирован полевой командир прорыва]

`[Получено опыта: 58 000]

`[Уровень персонажа повышен! Текущий уровень: 16]

`[Получен уникальный трофей: Сердечный узел Чумного Брута (Материал ранга «А»)]

`[Репутация среди гарнизона Седьмого редута изменена: «Преклонение / Священный трепет»]

Огромное тело исполина в последний раз конвульсивно дернулось, словно сквозь него пропустили электрический разряд, и затихло. Аура чумного разложения с шипением рассеялась, оставив после себя лишь запах прелых листьев и застарелой соли.

В таз, поставленный Артуром, упали последние капли черной крови. Ни одна капля не запачкала свежевывмытый пол операционного коридора.

Воронов выпрямился. Его спина тихо хрустнула. Он снял тонкие латексные перчатки, испачканные с внутренней стороны выступившим потом, свернул их валиком и брезгливо бросил в специальный жестяной контейнер с надписью «Биоотходы».

В лазарете стояла такая тишина, что было слышно, как на улице, метрах в трехстах отсюда, догорают остатки внешнего частокола. Ни стонов, ни криков. Раненые солдаты смотрели на Артура так, словно посреди их убогой палаты только что материализовался сам Владыка Смерти, решивший примерить белый халат ради забавы.

Рыжий сотник стоял на коленях перед порогом, опустил клинок острием в пол. Его губы беззвучно шевелились, повторяя какую-то старую солдатскую молитву об избавлении от гнева богов.

Артур подошел к умывальнику, открыл кран и принялся тщательно, по локоть, намыливать руки едким щелочным мылом, методично промывая межпальцевые промежутки и ногтевые ложа.

— Сержант, — не оборачиваясь, бросил он в тишину.

Рыжий вздрогнул всем телом, с трудом сглотнул вязкую слюну и хрипло отозвался:

— Слушаю... господин... слушаю, мастер Воронов...

— Это безобразие нужно ликвидировать до наступления темноты, — сухо произнес Артур, смывая мыльную пену ледяной струей воды. — Туши убрать из коридора. Сложить на открытом пространстве на расстоянии не менее пятидесяти метров от жилых помещений, залить горючей смесью и кремировать до полного озоления. Образовавшийся пепел закопать на глубину двух саженей. Пороги и стены коридора дважды промыть пятипроцентным раствором карболовой кислоты.

Он вытер руки чистым вафельным полотенцем, аккуратно повесил его на крючок и повернулся к замершим санитарам.

Его лицо вновь было серым, усталым и абсолютно непроницаемым. Обычный дежурный врач после тяжелой, но рутинной пятиминутки.

— Чего рты разинули? — нахмурился он, поправляя пенсне. — У нас на втором столе боец с открытым пневмотораксом лежит, плевральная полость забита сгустками. Если мы не дренируем ее в течение двадцати минут — разовьется напряженный отек легкого. Инструменты прокипятить. Подать свежий шовный материал. И везите следующего.

Артур шагнул обратно в операционную, не удостоив поверженных монстров даже мимолетного взгляда.

— Очередь сама себя не ликвидирует. Работать.

Глава 5. Знакомство с Ассистентом

Гной, кровь и сукровица пахнут одинаково паршиво в любом из миров, но в мирах, тронутых дыханием Искажения, к этой классической полевой симфонии всегда примешивался мерзкий сладковатый душок озона и пережженного сахара.

Артур стоял над вторым операционным столом, чувствуя, как под резиновыми перчатками предательски зудят подушечки пальцев. Этот зуд не был признаком усталости. Это вибрировала перегруженная мана, отфильтрованная его собственными духовными каналами до состояния бритвенной остроты.

— Зажим, — бросил он, не поднимая взгляда от вскрытой грудной клетки солдата.

Рядом послышалось судорожное звяканье. Пожилой санитар с перекошенным от ужаса лицом, чьи руки в грубых парусиновых нарукавниках ходили ходуном, сунулся было к лотку, но выронил инструмент прямо на заляпанный бурыми пятнами деревянный настил.

Металлический лязг прозвучал в тишине операционной подобно погребальному кололу.

Артур замер. Его скальпель завис в миллиметре от трепещущего перикарда, куда сквозь расщепленное ребро хлестала темная, венозная кровь вперемешку с хлопьями серой слизи — явным признаком наползающего мутагенного некроза.

— Вон, — не повышая голоса, произнес Артур.

— Господин лекарь... я сейчас, я оботру спиртом... — залепетал санитар, падая на колени и пытаясь нашарить упавший инструмент.

— Вон от стола. На дистанцию пяти шагов. Руки за спину, прижаться к стене и не отсвечивать, пока я не закончу, — голос Артура резал холоднее закаленной хирургической стали. — Ты нарушил стерильность операционного поля. Ты занес в рану условно-патогенную флору с пола, по которому десять минут назад волокни распоротые брюха тварей с пустоши. Еще одно движение — и я лично произведу тебе ампутацию обеих верхних конечностей на уровне плечевого сустава. Без анестезии. Потому что обезболивающие растворы здесь требуются тем, кто обладает мозгом.

Санитар побелел, вжался в бревенчатую стену лазарета и затих, боясь даже дышать.

Артур глубоко, размеренно вздохнул через нос.

Человеческий материал в этом забытом богами гарнизоне был отвратителен. Они умели махать мечами, умели умирать с перерезанным горлом, издавая предсмертные хрипы во славу какого-то местного князька, но элементарные основы септики вызывали у них священный паралич. Примитивная полевая хирургия для них оставалась смесью темного колдовства и мясницкого ремесла.

Левой рукой Артур активировал плетение [Малого Стазиса], на тридцать секунд замораживая кровотечение в поврежденной межреберной артерии, а правой метнулся к лотку, подцепил запасной цапочный зажим, вогнал его в рану, пережал сосуд и вслепую наложил П-образный шов кетгутом, резко дернув узел.

`[Внимание: Выполнена процедура купирования острого гемопневмоторакса.]`

`[Качество исполнения: 89% (Штраф за использование примитивных шовных материалов местной эпохи: -11%).]`

`[Целостность плевральной полости пациента стабилизирована. Риск развития напряжения: 4.2%.]`

`[Получено 450 единиц опыта класса «Хирург Искажений».]`

Системные строки скользнули по краю поля зрения полупрозрачным бледно-синим шрифтом и растворились. Артур даже не моргнул. Цифры опыта его не интересовали — его бесил штраф за шовный материал. Этот чертов кетгут из кишок степных баранов рвался при

малейшей перетяжке, а его абсорбционные свойства вызвали у Артура стойкое желание сжечь всю местную аптеку дотла.

Он закончил дренирование, ввел в плевральную полость стеклянную трубку с самодельным клапаном из надрезанного резинового пальца перчатки и опустил конец в банку с раствором фурацилина. Банка тут же забулькала, выпуская кровавую пену и скопившийся воздух.

Грудная клетка бойца опустилась. Дыхание из хриплого, предсмертного клекота перешло в тяжелый, но ровный храп.

— Жить будет, — Артур содрал перчатки, швырнув их в ведро для отходов. — Перевязать. Следить за цветом отделяемого по дренажу. Если пойдет алая пена — не звать меня, а сразу пережимать трубку зажимом и только потом орать во все горло. Всем ясно?

Оставшиеся в помещении солдаты и двое перепуганных послушников из местной часовни истово закивали, словно болванчики.

Артур подошел к окну, затянутому мутным бычьим пузырем, и потер переносицу, сдвинув пенсне на лоб. Пальцы мелко дрожали от отдачи маны. Он держал этот импровизированный санитарный пункт на ногах уже шестнадцать часов кряду. Семьдесят три полостных ранения, сорок ампутаций, бесчисленное множество рваных и укушенных ран, зараженных спорами Искажения.

И он был один.

Один на весь чертов батальон. Местные знахари, умевшие лишь накладывать руки и распевать псалмы, либо истощили свои убогие каналы веры в первые два часа штурма, либо слегли в бреду, когда сквозь раны солдат в их ауры полезла скверна Бездны.

«Мне нужен ассистент, — холодно подумал Артур, глядя на свои бледные руки. — Мне нужны руки, которые не дрожат. Сенсоры, которые не слепнут от вида развороченных кишок. Исполнитель, запрограммированный на абсолютное следование протоколу».

Он повернулся к сотнику, который все еще топтался у входа в палату, боясь переступить невидимую черту, очерченную карболовым запахом.

— Сотник.

— Я здесь, мастер Воронов! — рыжий воин вытянулся в струнку, прижимая кулак к закопченному нагруднику. После того как Артур на глазах у полуроты голыми руками и хирургическим расширителем вывернул наизнанку пасть прыгнувшей в коридор мутировавшей гончей, авторитет лекаря в форте взлетел на недостижимую высоту.

— Где опись инженерного и специального имущества гарнизона?

— Чего?.. А, бумаги интенданта? В нижнем арсенале, господин. Точнее, в том, что от него осталось. Старый писарь сбежал в цитадель еще в полдень, бросив ключи.

— Ты говорил, что этот форт был возведен на фундаменте опорного узла Первой Эры, — Артур подошел к нему вплотную, заставив рослого ветерана невольно втянуть голову в плечи. — До того, как ваша нелепая империя растеряла остатки технологий и скатилась в молитвы чучелам на шестах. Здесь был госпитальный сектор?

Сотник замялся, почесывая заросший рыжей щетиной подбородок.

— Так это... старики баяли, будто под пороховыми погребамися есть Железный Склеп. Мол, запечатан он был еще до Великого Разлома. Отцы-инквизиторы туда трижды наведывались с кадилами да окроплением, но тяжелые створки так и не вскрыли. Сказали — бесовское гнездо, залить свинцом и забыть. Мы туда и не совались. Там замки с рунами чудными, да и фонит оттуда... как возле свежей воронки от падения пустотного камня.

— Замки, значит, — тонкие губы Артура тронула едва заметная усмешка. — Веди.

— Но господин! Там же раненые... в коридоре еще шестерых положили, сотня истекает...

— Если я останусь здесь в таком режиме, через два часа у меня начнется гипогликемическая кома и истощение астрального резервуара, — сухо отрезал Артур, накидывая на плечи

свежий, отглаженный (собственноручным заклинанием бытовой магии) белый халат поверх запятнанного мундира. — И тогда вы сдохнете все. До единого. А если то, о чем я думаю, лежит внизу — к рассвету мы очистим лазарет. Шевелись.

Воздух в подземельях цитадели был не просто холодным — он казался застоявшимся, тяжелым, словно пролежал в каменном мешке добрую тысячу лет. Факел в руке сотника чадил, бросая пляшущие тени на грубую кладку раннего средневековья, которая по мере спуска становилась все более ровной, правильной, пока наконец не сменилась монолитными плитами темно-серого пластибетона с ровными прожилками металлической арматуры.

— Вот оно, господин... — сотник остановился перед массивной круглой дверью, вросшей в породу.

На герметичном люке не было замочных скважин. Лишь глубокий шестигранный паз в центре и полустертая гравировка в виде стилизованного посоха, обвитого двумя механическими манипуляторами, держащими рассеченное надвое ядро атома.

Символика Имперского Медико-Санитарного Корпуса периода До-Искажения. Времени, когда медицина еще не опиралась на слепую веру в благодать Светлых Богов, а вырезала скверну скальпелями из резонансных сплавов под контролем вычислительных машин.

Артур шагнул вперед. Его Системный интерфейс тревожно мигнул, выбрасывая каскад предупреждающих табличек.

`[Обнаружен локальный экранированный бункер: «Полевой медицинский модуль глубокого резерва № 014-БИС».]

`[Уровень биохимической и искажающей опасности: Умеренный.]`

`[Статус системы консервации: Аварийный. Утечка криогена 84%.]

`[Для авторизации требуется сертификат полевого хирурга не ниже 4-го ранга До-Катастрофической классификации или доступ класса «Исказитель».]

Артур усмехнулся. В прошлой жизни — до того, как его душу выдернуло из передовой операционной института Склифосовского и швырнуло в этот безумный мир системных логов и кровавых богов — он был не просто травматологом. Он имел высшую категорию и военный допуск к закрытым исследовательским протоколам. А в этом мире его класс именовался [Хирург Искажений], и этот статус имел куда больший вес, чем думали местные епископы.

Он прижал ладонь в перчатке к шестигранному пазу.

— Системный запрос: Артур Воронов. Специализация: радикальная хирургия патологических состояний, полевая деконтаминация, обратная резекция искаженных тканей. Авторизация по коду: «Нулевой Разрез».

Из его ладони ударил тонкий луч зеленоватой маны, структурированный в жесткую геометрическую решетку. Энергия проникла в глубину механизмов, срывая вековую окалину, пробуждая спящие кристаллы накопителей.

В недрах стены что-то протяжно, нутужно застонало. Раздался глухой щелчок пиропатронов, следом — шипение срабатываемого под колоссальным давлением вакуума. Сотник с визгом отпрыгнул назад, выставив перед собой клинок, но тяжелая плита люка вздрогнула, провернулась на сорок градусов против часовой стрелки и с глухим металлическим лязгом ушла в паз стены, обдав обоих мужчин облаком ледяного пара, пахнущего концентрированным спиртом, фреоном и застоявшимся озоном.

Артур шагнул в открывшийся зев, не дожидаясь, пока рассеется туман.

— Стой здесь. Коснешься чего-нибудь руками — растворишься в лужицу биомассы. Это предупреждение, а не шутка.

Сотник лишь с ужасом замотал головой, вжавшись в каменную кладку лестницы.

Помещение внутри было небольшим — не более двадцати квадратных метров. Стены покрыты панелями из матового белого сплава, по которому кое-где ползли бурые подтеки раз-

герметизированных гидравлических магистралей. Под потолком тускло вспыхнули и замерцали аварийные люминесцентные трубки, испуская слабый желтоватый свет.

В центре комнаты, на гидравлическом пьедестале, возвышался вертикальный саркофаг из темного стекла и полированного хрома.

Под прозрачным колпаком, опутанная десятками питающих шлангов и коннекторов шины данных, замерла фигура.

Это был автоматон, созданный с пугающим, анатомически безупречным изяществом. Ростом чуть выше среднего человека — около ста восьмидесяти сантиметров. Корпус из матово-белого композита, имитирующего костную ткань и керамику, плотно подогнан к гибкому скелету из черного сплава. Тонкие, длинные руки оканчивались не грубыми захватами, а сложнейшими шарнирными кистями с семью фалангами на каждом пальце. Лицо автоматона представляло собой гладкую фарфоровую маску без рта и ушей, с единственной горизонтальной прорезью для оптического сенсора, закрытой бронированным сапфировым стеклом.

На левой стороне грудной пластины тускло серебрилась гравировка:

«АМЮ-01. Автономный Медицинский Юнит. Проект: Сестра. Серийный номер: 001».

Артур подошел ближе, сметая вековую пыль со стекла терминала управления, расположенного у подножия саркофага.

`[Объект: Автономный хирургический юнит поддержки «Сестра-1»].`

`[Класс: Медицинский автоматон специального назначения (Легендарный реликт)].`

`[Текущее состояние: Глубокая гибернация / Разрядка основного накопителя (Остаток: 1.4%) / Критическое закисание криогенных контуров].`

`[Аппаратное оснащение:]`

`- Модуль гемостаза: встроенные пальцевые крио-зажимы сверхбыстрого действия (температура хладагента: -140°C).`

`- Модуль синтеза и ушивания: встроенный в предплечья диспенсер шовных нитей из микроволокон адамантия с ионным напылением.`

`- Модуль диагностики: многоспектральный квантово-магический сканер тканей (визуализация глубинных сосудистых русел, опухолей, узлов Искажения в режиме реального времени).`

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.